

Марк Чаран Ньютон
Ночи Виллджамура
Серия «Легенды красного солнца», книга 1

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=8589317

Легенды красного солнца. Кн. 1: Ночи Виллджамура: роман : Азбука, Азбука-Аттикус; СПб.; 2014
ISBN 978-5-389-09031-6

Аннотация

Мир, над которым умирает красное солнце, погружается в ледниковый период. В Виллджамур, столицу империи, стекаются беженцы с окрестных и дальних земель, где уже воцарился холод. В городе пышным цветом расцветают апокалиптические культы, не брезгующие самой темной магией. Император решил сбросить с себя бремя полномочий, и теперь его старшая дочь должна взойти на расшатанный трон империи. Однако у нее есть соперники, и чем дальше, тем более неразборчивы в средствах и связях становятся власти предержащие. И как это обычно бывает, в темные и холодные времена намного ярче проявляются все грани человеческой натуры, нежели в светлые и теплые.

Первый роман Марка Чарана Ньютона из цикла «Легенды красного солнца» – это романтическая история, полная интриг и колдовства, сильной любви и горькой ревности, благородных порывов и темных страстей. Головокружительная приключенческая фэнтези.

Содержание

Пролог	4
Глава первая	10
Глава вторая	18
Глава третья	26
Глава четвертая	31
Глава пятая	37
Глава шестая	50
Глава седьмая	55
Глава восьмая	65
Конец ознакомительного фрагмента.	71

Марк Чаран Ньютон

Ночи Виллджамура

Легенды красного солнца. Книга 1

Посвящается Мику, отцу, который был им не по обязанности

Сила мертвых в том, что мы думаем, будто они смотрят на нас все время. Будто они где-то поблизости. Существует ли энергетический уровень, состоящий исключительно из мертвых? А еще они в земле, лежат, спят и разлагаются. И может быть, мы им снятся.

Дон Делилло. Белый шум

Пролог

Одно было ясно как день: его пошлют, чтобы убить ее. Вот почему она оказалась здесь – в неделях пути от комфорта, на другом конце архипелага, да еще и посреди ночи. Одно хорошо: время для бегства выбрано удачно.

В переулках Уле было холодно и людно. Они освещались живым огнем: на стенах пылали факелы, в ямах горели костры. Пламя отбрасывало тени, в которых можно было различить молодых мужчин и женщин, засидевшихся допоздна на улице. Они курили, говорили о философии, то и дело сопровождая свои слова утонченными жестами; никто не понижал голоса, смех вспыхивал то там, то здесь. У ног взрослых возились полусонные ребятишки, некоторые заснули прямо на земле. Люди постарше прогуливались вдоль витрин, внимательно изучая выцветшие надписи; что-то в их движениях наводило на мысль, что они, возможно, ищут тот миг, когда жизнь ускользнула от них.

«Путаются под ногами, – подумала Папус. – Такова природа острова в империи. Здесь нельзя останавливаться».

Остров Фолк – аванпост на окраине Джамурской империи, где ее войска ждут сигнала, чтобы в сумерках атаковать повстанцев-дикарей, смешавшись с толпами местных жителей, проезжающих путешественников и ненормальных туристов. Одержимая страхом, она во всем видела что-то странное. Ее внимание привлекал то причудливый жест одного из двух собеседников, силуэтами вырисовывающихся на фоне огня, то устремленный на нее взгляд одного из них, и она начинала гадать, что бы он мог значить. Ночами вроде этой все казалось некстати и не к месту.

Ей нужно было вернуться в Виллджамур.

Говорили, что здесь, на востоке, война неизменно притягивает любопытных. Они съезжаются толпами, словно позабыв, что есть и другие способы умереть. И хотя толпа – отличное укрытие и здесь много мест, чтобы спрятаться, он все равно будет ждать ее либо среди покупателей на ирене, либо в рыбных рядах, прикинувшись рыбаком из тех, что выпедают цены на свой товар на разных гибридных диалектах.

– Амулет, повелитель... – Крестьянка обратилась к ней на ломаном джамуре. В лохмотьях, пропахшая навозом. Заскорузлые пальцы сжимали семь почерневших костей. На морщинистом лице пот смешался с копотью, в глазах пустота, выдающая отсутствие связи с реальностью по одной очень простой причине. – Костяные амулеты от рабов – священные вещи, благословленные жрецом Джорсалира, вот. Пожалуйста. Мне нужна монетка...

– У меня ничего нет, – отвечает Папус.

Женщина придвигается к ней так близко, что она чувствует в ее дыхании смерть.

– Прочь с дороги!

Карга что-то бормочет, слюна брызжет ей на подбородок.

– Надо хранить свою душу в хорошем месте. Мы все грешим...

Папус достает из складок плаща стержень и сует его женщине под нос.

Раздается едва слышный треск, вспыхивает искра фиолетового пламени, и женщина умолкает.

Проклятие, так он меня увидит.

Папус отходит от старухи, стоящей теперь недвижно, словно статуя, кладет реликвию в карман и продолжает свой путь по улицам города. Делая вид, будто ничего не случилось и ей совершенно не о чем волноваться, она тем временем желает лишь одного: как можно более ловко слиться с окружающими, раствориться в этой общине.

На перекрестках толпились люди. Особенно много было среди них юношей, которым вскружила голову жажда военной славы. Женщины приходили для того, чтобы предложить свои тела солдатам или путешественникам со средствами. Достаточно хорошенькие, чтобы зарабатывать на жизнь подобным образом, они все же были не настолько красивы, чтобы заполучить богатых мужей, и потому их место в экономике острова оставалось неопределенным, а сами они стояли поодиночке, глядя перед собой с бессмысленным выражением на лицах, что говорило о многом. Рядом с ними бурдюки с вином переходили из рук в руки за мелкую монету. Даже ребятишки пили, чтобы согреться, но ночь была особая, праздничная, поэтому никто на Фолке, кажется, не возражал.

Папус настороженно разглядывала толпу.

Для нее каждая деталь имела значение. Любая подробность могла решить, что ей предстоит – погибнуть здесь или вернуться домой, в Виллджамур.

Несмотря на людей, постоянно круживших возле нее со всякими, порой не вполне чистыми, намерениями, она была совершенно одинока, и от этого ее страх перед убийцей только усиливался. В такие ночи, как эта, ее охватывали сомнения в правильности выбранного пути, в том, кто она есть, и откуда идет, и будет ли когда-нибудь в ее жизни что-либо еще, кроме могущества и тайны, тайного могущества.

Человек в темноте.

Может быть, он?

Неужели ее намерение бежать на Фолк было столь предсказуемо? Но ведь в том-то и состоял замысел, чтобы спрятаться там, где и без того много людей. Вздумай она метаться по открытым пространствам, он нашел бы ее в считанные дни, если, конечно, он действительно так хорош, как она считает. Он почуял бы, откуда она отправилась, вынюхал бы, куда она держит путь, и уже поджидал бы ее там, чтобы избить до бесчувствия, едва она появится. Кроме того, нельзя убежать далеко, если плохо представляешь себе местность. Так и просчитаться недолго: прыгнешь – и окажешься над морем, а там и утонешь в ледяной воде.

Амулетов на каждый случай не напасешься, жизнь всегда подбросит что-нибудь непредвиденное.

Судя по лязгу доспехов, солдаты Джамура покидали город, чтобы подготовиться к рейду вдоль берега. Она влилась в редющую толпу местных жителей в простых, линялых от непогоды одеждах – просто для того, чтобы затеряться среди горожан. Пока вокруг нее будут люди, ей самой ничего не грозит.

Она должна была доставить в Виллджамур одну реликвию, чтобы показать ее другим членам ордена. «Ее он не получит», – вертелось у нее в голове, точно мантра, повторение которой убеждало ее в том, что так оно и будет.

Вниз по узенькому проулку, меж двух деревянных домов, потом под веревку с бельем и прочь из города, к берегу, то и дело озираясь, не крадется ли он за ней тенью.

Гул моря был слышен издали.

Бринд Латрея, капитан Второго драгунского полка Джамура, прищурившись, наблюдал, как вдалеке накатывает на Блортат и разбивается в мелкую пыль огромная морская волна. Крачки с громкими криками разлетались от нее во все стороны, как семена из руки сеятеля.

Это было не естественное явление.

В нескольких футах под ним человек в капюшоне сидел в мелкой воде на корточках и ритмично опускал и вынимал из моря какой-то предмет. Время от времени он закрывал глаза и поднимал лицо к ночному небу, точно надеясь увидеть мир с новой, неведомой прежде стороны. Это был адепт ордена Природы – малочисленной секты; он явно специализировался на использовании аппаратов, которые могли (предположительно) менять лик природы. Бринд провел пятерней по белым волосам. Своими приспособлениями и способами, которых капитан никогда не понимал, адепт направлял гигантские волны на Блортат, чтобы ослабить береговые укрепления и облегчить Второму и Третьему драгунским полкам высадку перед рассветом.

Задание было сформулировано коротко и просто: высадиться, оказать поддержку силам, подходящим с севера, перебить всех, кого удастся.

В городах и селах казнить всех пленников из племен фроутана и дельту. Чтобы дикарям впредь было неповадно бунтовать против соединенных сил Джамура, император Джохинн распорядился истребить эти два племени поголовно. Остров входил в состав империи, причем давно. Факт остается фактом, как сказали бы в Совете, и нечего тут бунтовать.

Не шутите с имперской политикой.

Остров Фолк совсем не походил на Джокулл. Песчаные отмели тянулись вдоль береговой линии со стороны моря, безрадостные дюны – с суши. На крайней от моря дюне как раз и стоял сейчас Бринд. Низкорослый тростник щекотал ему колени. Несколько огромных валунов, неведомо как оказавшихся на берегу, покрывали пятна лишайника. Все здесь отдавало дикостью – совсем не так, как в цивилизованном, культурном Виллджамуре. Вдалеке над сигнальными маяками Блортата вился черный дым – если спустить на воду драккары, то окажется совсем близко. Где-то высоко в небе над островом невидимками кружили гаруды, и Бринд уже жаждал их сообщений.

Адепт начал вызывать прилив. Земля задрожала, гребни волн поднялись и вытянулись, вода стонала под собственной тяжестью, жаждающая рухнуть в море, но вместо этого продолжала непостижимым образом ползти куда-то вверх. Непривычный шум раздался, когда волна, вытянувшись в струнку и образовав прозрачную стену в воздухе между островами, все же обрушилась на Блортат.

Бринд плотнее завернулся в плащ, радуясь, что не забыл надеть под форму рубашку, хотя от нее новый кожаный жилет был ему теперь немного узковат.

– Битва, похоже, не из кровавых, а?

Бринд оглянулся посмотреть, кто это сказал. Солдаты Второго драгунского полка в черно-зеленой форме стояли, опираясь на щиты, и смотрели вдаль, на волны. Все они, мужчины и женщины, были пока без доспехов, в традиционных коричневых плащах со звездой Джамура, вышитой золотом на левой стороне груди. С ними он давно уже не стеснялся того, что он альбинос, а также их командир. Среди всего прочего.

– И кто же это сказал? – спросил Бринд.

– Я, – отозвался голос, на этот раз существенно выше тоном.

Сдавленный смех.

Капп Бримир, мальчишка, уроженец Фолка, проталкивался между солдатами вперед. В сторонке грелись у своих костров другие островитяне. Первый голос точно принадлежал

не Каппу – мальчишке было всего лет десять. Во избежание еще одного восстания солдаты получили инструкцию до начала кампании поддерживать хорошие отношения с местными, но это не всегда было легко. Этому пареньку, к примеру, вообще нравилось действовать всем на нервы. Капп приставал с расспросами к любому старшему офицеру, которого ему случалось встретить в окрестностях Уле: его интересовала техника поединков на мечах и то, как люди одеваются в Виллджамуре, и как они развлекаются, и любят ли танцевать.

– Да? – сказал Бринд. – А у тебя густой басок для твоего-то возраста, да и материшься на джамурском ты славно. Среди местных это редкость. Если это, по-твоему, не битва, так считай, что тебе повезло. Чего ты ждал, полномасштабной войны, что ли?

– Нет. – Капп шагнул вперед, встал рядом с Бриндом и поглядел на капитана снизу вверх. – Хотя, по-моему, это не совсем честно – обращаться к таким, как он. – И он показал на адепта.

– А тебе хотелось бы, чтобы мы все тут передохли? – полюбопытствовал Бринд.

Капп пожал плечами и уставился в море, теребя прядь волос, точно и думать забыл о разговоре.

– Хочешь стать солдатом? – спросил Бринд.

– Ни за что.

– Умение драться может когда-нибудь пригодиться.

– Я уже умею. – Капп снова повернул голову в сторону невероятного прилива.

– Капитан Латрея! – раздался чей-то крик. Это был адепт, он брел по песку, держа в руках приспособление для управления приливом. Седой, лицом он походил на птицу, на его шее болтался медальон с неразличимым сейчас символом. – Капитан, у них есть культист. У них тоже есть гребаный культист!

– Вот дерьмо, как это возможно?

– Я не знаю, но поглядите. – Адепт показал на стену воды, которая двигалась к ним, сложившись вдвое.

Бринд обернулся и увидел только спину Каппа, который уже пробирался между солдатами назад.

– Думаю, что я смогу ее остановить или хотя бы ослабить, – продолжал адепт. – Но на вашем месте я велел бы людям отойти подальше.

– Мне казалось, тут я отдаю команды. – Бринд положил ладонь на рукоять меча, висящего у него на поясе.

– Сейчас не до церемоний, капитан.

– Полагаю, вы правы.

– Вы видели кого-нибудь еще из моего ордена?

– В последнее время нет. – Бринд покачал головой. – А вы разве не можете следить друг за другом при помощи этих штуковин?

– Куда там следить, слушается она меня – и то уже счастье, – бросил адепт и, поскальзываясь на мокром песке, побежал обратно к морю, а добежав, тут же опустил устройство в воду.

Бринд скомандовал драгунам отход, и они отошли повыше на равнину.

Тем временем в северной части острова с берега на заросший травой гребень холма начали подниматься дикари, потрясая топорами; как они попали туда, никем не замеченные, Бринд не имел ни малейшего понятия, ведь гаруды должны были увидеть их с воздуха и дать ему знать, где бы их самих ни носило.

«Хотелось тому мальчишке битвы, – подумал Бринд, вытаскивая из ножен клинок, – вот она и пожаловала».

Капп бежал так быстро, словно уже не смог бы остановиться, даже если бы захотел. Тропу по обе стороны обступили разрушенные дома, и звучное эхо его шагов отдавалось от их пустых стен, когда он несясь вниз по Флайерс-Хилл к дому.

Он затормозил, ощутив, как земля вздрогнула у него под ногами, когда в берег ударила первая волна. Обернувшись, он увидел, как морская пена переваливается через вершину холма, искрясь в свете луны. Одной волны не хватит, чтобы полностью размыть берег, но очевидно, что вторая волна довершит начатое. А еще он различил крики и увидел, как сотни имперских драгун меняют направление, маршем уходя к северной части острова.

Их вел тот альбинос с мечом наголо.

По обе стороны от него выстраивались войска. Сомкнув щиты, солдаты колотили по ним мечами. Так они и запомнились Каппу, который продолжил во весь дух мчаться по холму вниз как *превосходящая* сила.

Он уже не хотел иметь с ними ничего общего.

Дикари затопили собою пляж и все продолжали прибывать; их костяные амулеты белели во тьме, мелькали тела, едва прикрытые грубой одеждой.

Все совсем запуталось. Лишь несколько минут назад драгуны готовились выступить с его родной земли, чтобы взять под крыло империи соседний остров, а теперь набегу подвергался сам Фолк. Словно светлячки, метались огни Уле, когда обитатели покидали город, разбегаясь по окружавшей его долине.

Капп должен был предупредить мать.

Молотя руками по воздуху, он мчался к дому, большой деревянной постройке в окружении стада сонных коз, которые при его появлении проснулись и бросились врассыпную. Услышав странный треск, он встал как вкопанный. Нахмурился и описал полный круг, поворачиваясь на пятках, чтобы понять, откуда идет звук, но тот, казалось, шел отовсюду сразу, словно трещал сам воздух. Заметив проблеск света, мальчик пошел к нему.

Чуть поодаль, у дерева березы, он обнаружил двоих: оба в черном, они были неразличимы на фоне ночи.

Один из них лежал на земле, накрытый сетью из фиолетового света. Другой стоял над ним, обеими руками сжимая маленькую металлическую коробочку, из которой и шла та странная энергия. Тот, что на земле, кричал от боли, кровь лилась по его лицу. Каппу захотелось что-нибудь сделать. Вид страдающего человека причинял ему физическую боль.

Пошарив по земле, он нашел два куска гранита, как раз по руке, и начал описывать дугу, заходя с тыла. Метнул один камень, но попал в дерево.

Тот, кто стоял, обернулся.

Капп бросил второй камень и угодил стоявшему прямо в затылок, и тот, хрюкнув от боли, привалился к стволу дерева, выпустив коробочку из рук.

Световая сеть пропала.

Тот, кто лежал под ней, внезапно вскочил и полоснул кинжалом своему обидчику по груди и сразу вслед – по горлу. Зарезанный упал на колени, а потом, содрогаясь и раскрыв рот – то ли от изумления, то ли от страха, – завалился на бок.

Убийца, тяжело дыша, склонился над жертвой, нашарил рядом коробочку и сунул ее под плащ.

Капп онемел от всего увиденного. Кроме ветра, с воем носившегося по тундре, все остальные звуки невероятным образом исчезли. Почувствовав себя вдруг ужасно виноватым, Капп развернулся и хотел бежать. Неужели он на самом деле стал соучастником убийства?

Но когда оставшийся в живых приблизился к нему, Капп так же внезапно успокоился. Это был культист или кто-то из представителей власти – судя по медальону, висевшему у него на шее. Одежда на нем была непростая, на одной стороне груди виднелся вышитый

мелкими стежками красный полумесяц. Щеки у него горели румянцем, светлые волосы растрепались. Капп молча наблюдал, как культист с покрытым симметричными красными шрамами лицом опустил перед ним на колени.

– Спасибо тебе, мальчик. Похоже, ты спас мне жизнь, – на изысканном джамурском проговорил он. Взял руку Каппа и пожал. Капп толком не понял, что значил этот жест.

– Да ладно, – ответил Капп на джамурском, смущенный ярко-синими глазами культиста. В них было что-то противоестественно женское... а еще у него не было щетины.

Культист сунул руку в карман, вложил в ладонь Каппа какой-то предмет и крепко сжал ее. Это была монета: серебряная, тяжелая, украшенная странным символом – глазом, из которого исходил луч света.

На такую, наверное, можно было бы купить его семье дом.

– Я всегда плачу свои долги, – продолжал культист. – Если тебе когда-нибудь понадобится моя помощь, ты найдешь меня в Виллджамуре. Покажешь это. Спросишь меня, и меня найдут. Купить на нее можно не много. Ее даже не везде принимают как деньги.

– Как вас зовут? – спросил Капп.

– Папус.

– Почему тот человек хотел вам зла? – Капп кивнул на окровавленное тело в грязи.

Незнакомец поднялся с колен и улыбнулся так, что сразу стало ясно: слишком долгая история.

– Потому что среди прочего он хотел со мной переспать.

– Что-то я не понимаю. – Капп нахмурился. – Вы же мужчина. С чего бы ему?...

– Один к двум, мальчик, и ты все еще ошибаешься. Тем не менее я не слишком обидчива. Если тебе когда-нибудь понадобится помощь, ищи меня. Но сначала прими мой совет и держись подальше от этого сражения. Иди и укройся в Уле. – Потом, неизбежно рассмеявшись, она легкими шагами побежала прочь, а над тундрой уже полетел военный клич.

Снег и лед людей разъединяют.
Но в целом свете нет правителя иль короля,
Кому подвластно было б зренье так обмануть,
Как этим белым братьям,
Единством кажущимся всей земли.

*Перевод из рун Даунира, найденных в Южных Фьордах ок. 458 г.
БДЦ*

Глава первая

Гаруды, занятые патрулированием города, кружили в небе, их стремительные тени заставляли сидевших на заборах кошек задирать голову.

Один из пернатых стражей опустился на вершину внешней стены города и повернулся лицом к заре. Погода создавала настроение, она сама была настроением, ведь атмосфера города всегда менялась в зависимости от того, как выглядело небо. Теперь оно почти всегда было серым.

Страж был привязан к Виллджамуру. Его восхищали горожане, составлявшие плоть и кровь столицы, – все, от говорящих на непонятном жаргоне банд головорезов до юных любовников, целующихся в арках заброшенных домов. Повсюду были видны знаки иного, потаенного мира, тревожный шепот доносился из темноты. Небесный страж не знал другого места, где ему так хотелось бы ностальгировать по-настоящему.

Своим острым взором он заметил, что на внешней стене снова кого-то казнят. Хотя сегодня ничего такого вроде бы не планировалось.

– Хочешь что-нибудь сказать, пока мы не пустили стрелы? – Эхо заметалось между двумя каменными бастиями.

Гаруда со скучающим удовлетворением наблюдал за представлением со своего места. Он встопорщил перья, ежась на ветру, набирающему над крепостью скорость, исподволь наполняя холодом каждый уголок города, торопя приближение зимы.

На пленнике внизу не было иной одежды, кроме мятого коричневого хитона. Он поглядел налево и направо, на лучников, стоявших на стене с опущенными до поры луками. Под ним, с внутренней стороны крепости, кружили по мерзлой грязи какие-то люди, то и дело бросая взгляды на стену.

Бледный худой человек в зеленой с коричневым форме – офицер, командовавший казнью, – стоял в некотором отдалении от всех на самой вершине стены, и к нему, осторожно подбирая слова, обратился приговоренный.

Он сказал только:

– Что толку?

Какая-то девушка взывала в толпе под стеной, но, кроме офицера, никто не обратил на нее внимания.

– Преступление страсти, а? – спросил он.

– А разве не все они такие? – ответил приговоренный. – Я хочу сказать, разве не все преступления совершаются под действием страсти, а не ума?

Внезапно налетевший дождь, порыв ветра, более холодный, чем остальные, – и общее настроение стало враждебным.

– Ты мне еще будешь говорить!.. – проворчал солдат, явно раздраженный мгновенной переменой погоды.

Резкая, отрывистая команда.

Девушка все выла и билась под стеной, а лучники подняли заряженные луки, натянули тетивы и выстрелили.

Череп пленника треснул от удара, кровь брызнула на толпу, сам он, будто споткнувшись, полетел со стены вниз, два оперенных древка торчали из его головы. Длинные веревки натянулись и не дали ему упасть.

Примитивная угроза, предупреждение всякому: не лезь в дела империи. Законы государства незыблемы.

И тут же раздался вопль, от которого, казалось, всколыхнулась сама завеса дождя.

Банши объявляла казнь свершившейся.

Когда все закончилось, гаруда раскинул крылья, размах которых равнялся нескольким длинам руки обычного человека, похрустел хребтом, разминая спину, присел. Мощно оттолкнувшись, он подкинул себя в воздух, капли дождя посыпались с его перьев.

И взмыл в небо.

Крепость Виллджамура была построена из гранита. Внутрь вели трое ворот, расположенные друг за другом, и тут у гаруд было преимущество над любой армией противника. В центре города, на большой высоте, прижатая к склону горы, пряталась за кружевами мостов и шпилей Балмакара огромная императорская резиденция, похожая на собор из черного базальта со сверкающими вставками слюды. В такую погоду город казался нереальным.

Лагерь беженцев рядом с Санктуари-роуд был тих, только собаки бродили между поставленными на скорую руку палатками. Санктуари-роуд с высоты напоминала черный шрам, границу, за которой заканчивался Виллджамур. Дальше ландшафт менялся, переходя в травянистую равнину, но у обочин дороги зелень была изрядно вытоптана, свидетельствуя о том, что беженцы постоянно пристают к проезжающим с целью выпросить у них что-нибудь себе на пропитание. Вереск, кое-где совершенно сухой, в других местах продолжал цвести, длинными пастельными мазками уходя за горизонт. Красоты и здесь хватало, надо только уметь смотреть.

В этот час дня народу на улицах было мало. Торговцы еще не открыли свои лавки, и лишь один путник, закутанный в меха, двигался по дороге, ведущей в город.

Он шел к городу.

Горожане, надеясь, наверное, сделать день поярче, зажгли лампы. Их теплый оранжевый свет пробивался сквозь серую утреннюю мглу, обрисовывая изысканной формы оконные проемы: широкие восьмиугольники, стрельчатые арки. Наступившая зима была временем полных быстро с запотевшими стеклами витрин, цветов тундры в висячих корзинках у каждой двери, дымных плюмажей над трубами, опустевших садов, изголодавшихся по солнечному свету, и заросших лишайниками статуй, некогда служивших украшениями балконам и балкончикам, призванным радовать глаз.

Наконец пернатый страж опустил на стену заброшенного двора. Баюкающее журчание воды по камням создавало ощущение оторванности от места и времени, так что он даже подумал, уж не залетел ли он в прошлое? Его внимание привлек человек в мехах, тот самый, которого он заметил несколько минут назад. Незнакомец проходил через вторые ворота, ведущие в город.

Гаруда стал следить за ним, не двигаясь и не спуская с путника глаз.

Рандур Эстеву обладал тремя качествами, которые, как он надеялся, помогут ему отличиться здесь, в Виллджамуре. Он не всегда напивался допьяна, если вино текло рекой, – не то что те, дома. Кроме того, он с большим вниманием слушал все, что говорили ему женщины, – или, по крайней мере, старательно делал вид, будто слушает. И наконец, он был одним из лучших – если не самым лучшим – танцором из всех, кого он знал, а это не так мало, если ты родился на Фолке. Дети там начинали танцевать и ходить одновременно – иные даже танцевать раньше, чем ходить, ведь у местных матерей даже младенцы должны были ползать ритмично.

Провинциальный шарм и, пожалуй, легкий акцент должны были только добавить ему привлекательности в глазах девушек, с которыми ему доведется говорить. Рослый, он сохранил стройность, к несказанной зависти разжиревших сплетниц-соседок. Одним словом, приближаясь под морозящим утренним дождем к последним из трех ворот и вооруженный лишь самыми необходимыми пожитками, ворохом поддельных семейных легенд и тысячей острых слов, он оценивал свои шансы как вполне удовлетворительные.

Рандур хорошо изучил свою историю и легенду, в пути у него было на это время. Нельзя без подготовки являться в такой важный город, как Виллджамур, резиденцию императора Джамура Джохинна и столицу острова Джокулл, колыбели империи. Известный прежде как Вилхаллан, он был не более чем кучкой деревень, выстроенных вокруг естественной системы пещер, в настоящее время совершенно неразличимых под напластованиями архитектуры. Коренные жители Виллджамура и сейчас еще вели свой род от тех первых поселенцев. Одиннадцать тысяч лет. Тогда еще не начались клановые войны. Община жила своим мифом. Город с громадной историей, многообразием культур разных народов и племен обладал, как думали повсеместно, несметными богатствами.

Рандур провел в пути несколько недель. Дорога уже изменила его, пусть и на самом поверхностном уровне, – сделала другим. Его мать осталась в Уле, на острове Фолк. Суровая, истово верующая женщина, она вырастила его одна, хотя ее здоровье пришло в упадок задолго до того, как он достаточно подрос, чтобы это понимать. Он помнил, как она кашляла наверху, в затхлой комнате, пропитанной запахом преждевременной смерти. Каждый раз, входя туда, он гадал, что его ждет.

В Виллджамуре она нашла ему «работу». Этому поспособствовал один из его таинственных дядюшек, именитый купец со связями на Й'ирене и Фолке, никогда, однако, не помогавший им ни полушкой. О приятной внешности Каппа он всегда отзывался так, точно она могла стать помехой в жизни. И вот в один прекрасный день тот самый дядюшка сообщил его матери, что всего неделю назад исчез паренек одних с Каппом лет и сходной наружности. Звали его Рандур Эстеву. Поговаривали, будто его наняли на работу в дом самого императора. Капп даже встречал его на танцевальных состязаниях и турнирах юралрис – бою на мечях, – где они были соперниками. Врагов у того парня хватало, он ведь любил похвастаться тем, что ему уже готово теплое местечко на период грядущего Оледенения.

– Пока вы будете тут загибаться от холода, ублюдки, – сказал он как-то, – я погрею себе задницу в самом теплом местечке империи. Но больше я вам ничего не скажу, а то еще пролезете за мной следом.

Его тело, вернее, то, что от него осталось, нашли в ящике на старой посудине, которая на памяти последнего поколения не покидала гавань в Гью-Доксе. Смерть парня никого не удивила. Всех куда больше интересовала сама посуда, поскольку касательно нее исполнилось какое-то морское пророчество, о котором говорили как раз на прошлой неделе.

Тогда Капп стал Рандуром Эстеву. И с чужими бумагами отправился на юг, в Священный город.

Мать благословила его искать счастья там, где можно надеяться пережить Оледенение и протянуть ниточку их рода дальше. Парень понятия не имел о том, чем настоящий Рандур Эстеву должен был заниматься в Виллджамуре, поскольку в бумагах никак об этом не упоминалось. К тому же у Рандура, как мы его будем теперь называть, имелись свои планы.

Держа руку в кармане, он крутил пальцами монету, ту самую, полученную от культистки много лет назад, в кровавую ночь.

Гаруды маячили над укреплениями последних ворот, ведущих в город. Стояли, сложив на груди руки. Полугрифы-полулюди: крылья, клювы, когти на человеческом теле. Плащи и минимум оружия. Белые лица точно светились в утренних сумерках. Дома, на Фолке, он несколько дней провел в полку, куда записался, поддавшись романтическому порыву, чтобы произвести впечатление на одну девчонку, которая томно посматривала на него, но отделивалась обещаниями. Так вот там люди много говорили о гарудах и их умениях. Похоже, только очень искусный лучник мог надеяться достать одного из них своей стрелой.

Солдаты смотрели его бумаги у первых и вторых ворот. У третьих они обыскали его пожитки, отобрали оружие и необычайно дотошно допросили.

– Селе Джамура, – сказал Рандур. – Ну что слышно в Священном городе?

– Честно говоря, настроение не очень, – ответил один из гаруд. – Люди недовольны. И внутри и снаружи полно кислых рож. Ну, там еще понятно. – Он кивнул на запертые ворота, за которыми толпились беженцы. – Но здесь-то почему у большинства морды как надранные задницы? Чего им, дуракам, не хватает, в тепле и безопасности?

– Кому понравится сидеть взаперти, даже ради собственного блага, – предположил Рандур.

– Ну так пусть отваливают, когда им заблагорассудится, – проворчал гаруда. – Нет, от такой погоды жди не только похолодания.

На этом последний обыск завершился, и Рандура наконец пропустили внутрь, в Заповедный город.

Строители Виллджамура, вернее, те, кто придумал эти сложные формы пугающих своей выверенностью сооружений, могли быть кем угодно, но только не людьми. Одни дома были облицованы мелким галечником, покрытым слоем кричаще-яркой краски, в каменную кладку других архитектурных диковин было добавлено стекло, так что здания сияли, как граненые драгоценные камни. Рандур потрясенно вертел головой из стороны в сторону, не зная, куда направиться раньше. Количество возможностей увеличивалось в геометрической прогрессии. Между тем ледяной дождь перешел в морось, а потом и совсем иссяк. Где-то в отдаленном переулке жарили рыбу. Рядом он заметил две лавки с вывесками «Дрова». Две женщины принялись развешивать простыни из окон типового дома. Двое молодых людей переговаривались, пользуясь местным языком жестов, в котором для завершения каждого предложения требовались движения рук и взгляд. Дорога впереди него разветвлялась, и каждая половина плавной дугой уходила по холму вверх, а птеродетты стремительно взмывали к вершине отвесного утеса, маячившего над городом. Мальчишки, встав ногами на куски льда, неслись на них по крутым улицам города. Мимо прошла пара: светловолосая женщина с мужчиной куда старше ее по возрасту, и парень оценил их как «респектабельных», судя по качеству одежды. Рандуру захотелось поймать взгляд женщины и, может быть, даже спровоцировать ее на какую-нибудь реакцию. Почему-то улыбка, украденная у этого мужчины, имела для него значение. Ну ладно, в другой раз.

Он ведь только что прибыл. А ему еще надо отыскать культистку.

В спальне одного из дорогих домов с балконами, украшавшими верхние уровни Виллджамура, женщина со шрамом на лице расслабленно лежала на мужчине, который еще не отдышался после сексуальных усилий.

Они поцеловались. Язык скользнул по языку, но коротко, словно сомневаясь, и женщина не была уверена, чья это реакция. Она сползла с него, потом протянула руку и стала играть с жесткими волосами на его груди. У него было маленькое лицо с изящными чертами и шершавые руки, но зато они касались ее. Никто из них не нарушил любовный акт словами, за что она, по крайней мере, была ему признательна. Тем временем он продолжал гладить ее по бокам, задерживаясь на выступах тазовых костей и потирая их большими пальцами так, словно находил в твердых выпуклостях ее тела особую прелесть.

Она потянулась к нему всем телом до тех пор, пока ее длинные рыжие волосы не рассыпались по ее лицу. Затем она стала ждать, когда он раздвинет их и на его лице медленно, но верно проступит разочарование, которое она уже научилась читать в лицах других за последние годы. Сначала он смотрел ей только в глаза. Затем она отчетливо увидела, как его зрачки сместились в сторону уродливого шрама на ее щеке. «Что ж, он неплохо реагирует», – подумала она. Он был слегка пьян, когда они встретились, неудивительно, если поначалу он ничего не заметил. Однако его способность сохранять эрекцию ее в общем и целом разочаровала.

Так было всегда, стоило ей начать самой получать от процесса удовольствие – совсем не как тогда, когда она делала это за деньги. Из-за ее работы ей трудно было встречаться с нормальными мужчинами, еще труднее – завести с кем-то прочные отношения. Да и ее уродство – вздутый рубец с правой стороны лица – тоже этому не способствовал.

Но вчера вечером у нее был выходной, и ей захотелось перепихнуться с кем-нибудь просто так, для поднятия настроения. Хотелось почувствовать кого-нибудь рядом, ей так этого не хватало.

В юности она узнала, что мир жесток и люди оценивают тебя по первому впечатлению. И еще что детское предубеждение против всего странного свойственно и взрослым, только те умеют маскировать свое отвращение.

Медленно отодвинувшись от него, она потянулась за халатом. Отошла к окну и стала глядеть на шпили и мосты Виллджамура, точно пытаюсь проложить как можно большую дистанцию между собой и мужчиной в ее постели. Противоположный угол комнаты закрывали накрытые холсты, составленные у стены рядами. Запах химикатов от картины, которую она начала вчера, еще не выветрился из комнаты.

– Вот это да! – сказал он наконец. – Бором клянусь, ты удивительная.

Теперь она смотрела на набрякшие над городом тучи, из которых на крыши падали последние капли дождя. Подняв оконную раму, она услышала громохание телеги по мостовой, почувствовала запах лиственниц к северу от города. Она бросила взгляд на Гата-Картану и Гата-Сентиментал, мимо картинной галереи, где вряд ли когда-нибудь будут висеть ее работы. Люди на улице мешались с тенями, как будто сами стали ими. Прямо под ее окном по тротуару шел пошатываясь какой-то человек, он то скрывался из ее поля зрения, то появлялся вновь, слышно было, как висящий у него на бедре меч царапает по стене. По какой-то неясной ей самой причине все эти признаки утреннего города лишь усилили ее чувство одиночества.

– Твое тело... Я хочу сказать, ты так хорошо двигаешься... – продолжал он хвалить ее, как делали они все, когда им становилось ясно, что у них нет с ней ничего общего.

Наконец заговорила и она:

– Тундра.

– Что?

– В трактире вчера – то, что ты говорил, соблазняя меня. Наверное, у политиков язык вообще хорошо подвешен. Ты сказал, что мое тело похоже на тундру. Ты говорил, что кожа у меня белая, как снег, и гладкая, как свежий сугроб. Ты даже сравнил мою грудь с их живописными округлостями. Ты восхищался моей грудью и чистой кожей. Ты говорил, что я словно оживший лед. Да, все это ты мне говорил. А как тебе мое лицо? – И она провела рукой по страшному шраму.

– Я же говорю, ты очень привлекательная женщина.

– Привлекательной может быть и лошадь, советник. – Она бросила на него взгляд. – А как же мое лицо?

– Твое лицо очаровательно, Туя.

– Очаровательно?

– Да.

Он поднял голову, чтобы лучше видеть ее, когда она сбросила свой халат на пол. Она знала, как он отреагирует, когда сумрачный утренний свет словно разгорится на ее коже. Она потянулась к столу, взяла с него сигарету с арумовым корнем, но не стала зажигать сразу, а подождала, пока мужчина отвернется. Сильный запах ароматного дыма наполнил комнату, сквозняком его потянуло в окно.

Все еще окутанная в его глазах туманом, она шагнула к кровати и предложила ему покурить. Он против воли схватился за ее запястье, стал тереть его большим и указательным пальцем. У него был жалкий взгляд слабого человека.

– Ты прекрасна, – сказал он. – Восхитительна.

– Докажите это, советник Гхуда, – предложила она, опускаясь на него сверху, не сводя взгляда с его улыбки, видя, как он поддается.

Сигарета упала на пол, пепел рассыпался по плиткам.

Позже, когда он снова уснул, она лежала и думала о разговоре, случившемся у них как раз перед тем, как он отключился.

Он вообще много говорил, что редко бывает с мужчинами после секса. Она подробно обдумывала все, что он сказал, вникала в детали.

Он ее шокировал.

Человек, занимающий столь высокое положение, как он, вообще-то, должен держать рот на замке, но этот разболтался, наверное, потому, что был пьян. С самого рассвета они пили водку. Он ушел, когда солнце уже достаточно высоко поднялось в ярко-красном небе, город полностью проснулся, а от ее дыхания кисло пахло алкоголем. Уходя, он не поцеловал ее на прощание, не сказал ничего ласкового. Просто набросил свою мантию советника и вышел.

Но не это расстроило ее, а слова, сказанные им прежде, чем заснуть, – те простые вещи, которые он говорил то ли в шутку, то ли всерьез.

Они впились в ее память и никуда не хотели уходить.

Советник Гхуда после всего случившегося думал о том, как он стал рогоносцем, – мысль, которой он часто предавался в последнее время.

Все началось четыре года назад. Четыре года назад он понял, что не может больше инвестировать все свои эмоции в одного человека – в свою жену. Тогда он застал ее, Беулу, в постели с каким-то драгуном, которому она энергично сосала член, и с тех пор этот образ так и стоял перед его глазами, словно призрак, подрывая его уверенность в себе. Его ощущение осмысленности мира повисло в пустоте, как вопрос без ответа, и с тех пор как мужчина он кончился.

Общение с проститутками облегчало его душевное состояние.

Сначала это была лишь причуда, уход от реальности, потом превратилось во что-то большее. Он нуждался в нежности и дешевых восторгах других женщин. Самозабвенно сочиняя плохие комплименты и предаваясь неловкой, неестественной игре, он на время снова чувствовал себя личностью. После акта женщины, которым он платил, рассеянно глядя сквозь него, подтирались полотенцем, чтобы смыть всякий его след со своего тела. Они никогда не смогли бы полюбить его, и слова, произносимые ими, были не их словами, а чьими-то чужими, но Туя, та, с которой он провел прошлую ночь, показалась ему совершенно искренней, словно в Виллджамуре, этом городе интровертов, два интроверта смогли найти счастье друг с другом, пусть всего на одну ночь.

Гхуда поднял голову: небо прояснялось, красный солнечный свет бликами расцветивал булыжную мостовую, и улицы казались ржавыми. Из-за прикрытия двери он шагнул в относительную яркость утра. Ему надо было добраться до Башни Совета и там заняться дневной работой.

Он не знал, был ли это комплекс вины или что другое, но ему показалось, будто за ним следят. Он никогда не просил о сопровождении – напротив, всегда стремился улизнуть после заседаний Совета раньше, чем кто-нибудь из охранников успевал предложить ему свои услуги.

Впереди его ждало много дел. Прежде всего необходимо было заняться растущей проблемой беженцев – рабочих, которые стягивались в Виллджамур со всех уголков империи в надежде переждать здесь грядущее Оледенение.

Люди расходились по иренам, одни – торговать, другие – делать покупки, за ними следили солдаты пехотного полка, которые парами патрулировали улицы. Их присутствие составляло часть той интенсивной политики безопасности, которую инициировал он сам с целью внушить гражданам уверенность в нынешние тревожные времена. Кому нужна паника на улицах, тем более что местные жители и так опасаются стать жертвой преступления больше, чем обычно.

Петляющие улицы и переулки уводили его все дальше вверх.

По дороге он видел человека, который сидел на табурете, поставленном прямо на мостовую, рядом с табличкой: «Писец. Анонимность гарантируется». Положив одну руку ладонью вниз на стоявший рядом столик, другой он держал чашку с дымящимся утренним напитком, и по его лицу было разлито удовлетворение. Таких в городе было немало, они писали любовные письма или строчили смертельные угрозы по заказу тех, кто не мог писать сам, в том числе и по той причине, что инквизиция переломала им пальцы. Гхуда задумался над тем, что он мог бы написать Туе, той рыженькой, с которой провел сегодня ночь. Что он ей сказал бы? Что хотел бы отыметь ее снова, потому что у нее это здорово получается? Да, но на одном этом прочных отношений не выстроишь.

Почувствовав тяжесть в ногах от долгого подъема, Гхуда присел отдохнуть на поленницу возле одного из домов. И снова его встревожило ощущение того, что за ним следят. Он оглядел тихие улицы вокруг, поднял голову, посмотрел на мост. Может быть, кто-то смотрит на него оттуда.

Он встал, чтобы продолжать путь, и услышал топот: кто-то убегал.

Рядом была подворотня, она вела к ирену – рынку, расположенному в каменном мешке двора. Ступив под ее высокие своды и оказавшись меж двух близко расположенных стен, которые, казалось, уходили в бесконечность, он испугался, у него забило сердце.

Он ускорил шаг.

И выскочил на людный и шумный ирен...

В тот же миг ему показалось, будто его грудь лопнула, а ее содержимое потекло на мостовую. Конечно, ничего такого не произошло, он цел, он жив, но, опустив голову, он увидел рану у себя на груди, она расширялась, и сквозь обрывки одежды внутрь проникал сырой холодный воздух.

Жестокая боль пронзила его, и он закричал, попытался оглянуться, но в глазах у него быстро темнело, и он разглядел лишь чью-то спину, смутный силуэт, который странным образом уходил от него куда-то вверх, во тьму. Он споткнулся, упал, вцепившись обеими руками в мокрые камни мостовой, изо рта пошла кровь. Вокруг уже собрались люди, они смотрели на него, вытаращив глаза, показывали пальцами. Учув запах его жизненного сока, наполняющего желобки между камнями, откуда-то налетели кровавые жуки и набросились на него так, что он закричал во весь голос, а его крики эхом заметались между каменными стенами двора. Один жук даже забрался ему в рот, где деловито скреб его язык и десны. Он сжал зубы, чтобы не поперхнуться, перекусил жука пополам и выплюнул его, но привкус все равно остался.

Советника Гхуду бил озноб.

Стоя возле бистро с надкушенным пирожком в руке, чувствуя, как бурчит с голоду в животе, Рандур вдруг увидел, что к нему, шатаясь, идет какой-то человек. Вокруг испуганно завизжали, мужчины стали прикрывать собой своих женщин, когда крупные блестящие жуки окружили страшную зияющую рану того человека.

Рандур, ошеломленный настолько, что даже забыл про еду, шагнул в переулок позади галереи. Какой-то ребенок взвизгнул и бросился прочь, когда умирающий – бледный, страшный, выпучив глаза и харкая кровью, – ввалился туда же за ним. Уставившись прямо на Рандура, он рухнул на колени в нескольких шагах от него. И выл, пока насекомые отрывали его плоть мелкими кусочками, так что над его раной возшло кровавое облачко. Потом он упал ничком и затих.

Через несколько секунд в переулок ворвалась банши, словно выследила умирающего по запаху. Она была закутана в длинную шаль, точно в кокон, ее худое лицо поразительно выделялось на фоне растрепанных иссиня-черных волос. Глядя вокруг отрешенным взглядом, она со свистом набрала воздуха в грудь и, невероятно широко разинув рот, издала протяжный вопль. Кровавые жуки, сыто жужжа, покинули переулок, а вокруг тела вскоре образовалась новая толпа. Рандур, окончательно потеряв аппетит, отдал свой пирог уличному оборванцу.

– Добро пожаловать в Виллджамур, – буркнул он себе под нос.

Глава вторая

Его разбудил взрыв – басовитое ворчание, от которого, казалось, земля дрогнула у него под ногами. Командующий Бринд Латрея открыл глаза, глотнул холодного воздуха и увидел, что лежит на земле, в окружении берез, а ему на спину сыплются сухие ветки. Пальцами он нащупал узловатые корни, он ухватился за них, чтобы подтянуться, но рука сорвалась. Он снова упал, его тошнило.

Попытался осмыслить происходящее.

Сквозь просвет в кронах деревьев, в обрамлении колышущихся на холодном ветру ветвей, он видел дым, спиралью уходящий в небо. В ушах у него звенело. Пряди белесых волос липли к лицу.

Как он сюда попал?

Палуба корабля.

Затем взрыв.

Он оттолкнулся от земли, сел и только тогда заметил, как у него ломит все тело.

Рядом с ним валялись обломки деревянной двери, в которой он распознал люк своего драккара. Ни меча, ни топора при нем не было. Нож-то хоть с собой? «Да, в сапоге, и то хорошо».

Несмотря на туман в голове, мысли понемногу прояснялись.

В качестве старшего офицера Ночной Гвардии он, повинувшись бессмысленному приказу императора, недавно отплыл к этим берегам. Выступили из Виллирена, огромного торгового города, миссия заключалась в том, чтобы обеспечить Виллджамур запасами огненных зерен в количестве, достаточном для того, чтобы пережить долгие холода. С его точки зрения, бессмысленная затея.

Новая попытка встать закончилась успешно. Бринд заковылял через заросли тенистого бука, всматриваясь в пестрые стволы, чтобы никакое движение не укрылось от его глаз. Он то и дело оскальзывался на замшелых валунах и хватался за ветки, но смотрел внимательно. Пройдя немного вперед, он наткнулся на изуродованный труп одного из своих гвардейцев: это был Ворен, он опознал его по украшенному замысловатой резьбой луку, отлетевшему в сторону. Псоглавые джилы уже окружили труп, их морды с тройными языками и двумя парами глаз ходили ходуном в ритуальном танце вокруг открытых ран, точно они исполняли обряд, старый как мир. Хрустели кости.

В темном подлеске по обе стороны от него двигались какие-то тени, и он спросил себя, что бы это могло быть.

Он узнал очертания Кулл-фьорда, холмы, сгрудившиеся на его берегах и тающие в дальней дымке. Мыс Далук, природная гавань, мало кому известная, кроме военных. Пройдя немного вдоль скалистых берегов, корабль попадал в воды глубокого соленого озера.

Стая черных крачек, летящих к северу, постепенно закрыла горизонт. Станный покой под сумрачным небом, хмуро нависавшим над заснеженной тундрой, сколько хватал взгляд. Бринд обратил внимание на скопление камней на темном склоне одного из холмов. Значит, племя аэзов уже переместилось с востока острова на запад, должно быть в поисках зимних стоянок. Значит, они останутся там надолго.

Неумолчный плеск воды о камень вдруг прервали крики, они неслись откуда-то с берега.

Хромая, он двинулся в обход деревьев, клонившихся почти к самой воде.

– Вот дерьмо!

Два из трех драккаров погибли. От запаха горящего топлива слезились глаза. Крошечные костерки плыли по воде, к берегу прибывало обломки кораблей и фрагменты груза, неко-

гда горделивые паруса превратились в пылающие тряпки, которые тонули вместе с мачтами прямо у него на глазах. Три ночных гвардейца колыхались на волнах лицом вниз, над ними пузырились плащи, наполненные задержавшимся в них воздухом. Несколько солдат еще вели бой на суше. Вдруг один из них упал, пораженный стрелами. Они дрались врукопашную, у их ног валялись мертвые и умирающие дикари.

Но среди деревьев на выручку своим уже подтягивались новые дикари, вооруженные топорами. Один прошел совсем недалеко от него, правой рукой поддерживая полуотрубленную левую. Кровь промочила шкуры, в которые он был одет, пот вместе с краской тек по лицу. Но тут в его затылок воткнулась стрела и разнесла ему череп.

Пытаясь оценить ситуацию, Бринд взглянул на ближайшую к кораблям вырубку в лесу, где еще были привязаны лошади.

Он подошел ближе к месту схватки, прямо по его лицу хлестнуло оперение стрелы, она ударилась о камни, отскочила и упала в воду. Проследив направление, откуда она прилетела, он увидел еще людей, которые двигались среди деревьев дальше по берегу. Лезвия их топоров тускло взблескивали, отражая рассеянный свет.

Выхватив из руки мертвеца топор, Бринд перебежками, прячась в тени, подкрался туда, где четверо его людей спиной к спине продолжали сражаться с нападавшими под сенью третьего, и единственного уцелевшего, корабля. Улучив мгновение, они увидели командующего и дальше следовали его указаниям.

Он не распознал племя, напавшее на них, но дрались дикари плохо. Расколов одному голову, Бринд выхватил из его слабеющей руки меч. Вытянул из его черепа топор и метнул в другого. Топор вонзился дикарю в плечо, и, пока тот корчился от боли, Бринд вогнал свой меч ему в грудную клетку. Теплая кровь залила ему руки, когда он вырвал оба орудия из тела.

Оставшиеся в живых дикари уже глядели на него со страхом – не столько из-за его боевых навыков, сколько из-за цвета кожи и глаз.

Быть может, они решили, что он дух.

Один рискнул приблизиться. Бринд выбил из его рук клинок. Нанес короткий быстрый удар, от которого нападающий пробовал увернуться, но меч рассек ему левую щеку. С громким криком дикарь упал.

Тем временем одному из солдат Бринда разmozжили голову палицей. Другому выбили стрелой глаз. Боковым зрением Бринд видел, что джилы уже прибыли на поле боя и потрошат мертвых, сначала сдирая с них одежду, потом выгрызая внутренности и разматывая яркие ленты кишок на серых камнях.

Вдруг все подняли голову и замерли.

Из глубины леса в небо взмыл огненный шар.

Врезался в уцелевшее судно.

Толстые доски взлетели в воздух.

– Твою мать! – завопил Бринд. – Уходим!

Ночные гвардейцы начали торопливо отступать вдоль берега.

– К лесу лицом!

Огонь распространялся быстро, потом в воду врезался еще один шар. Бринд стал считать, чтобы понять, за какое время пламя охватит весь груз.

Белая вспышка, и Бринд, закрыв плащом глаза, повалился на землю, когда взорвалось третье судно.

Воздух наполнился грохотом. Обломки стучали вокруг Бринда по камням, испарывали воду, шатали деревья.

Люди кричали, когда в их тела попадала горящая шрапнель.

– Командующий!

Бринд встал и снял с лица плащ, чтобы увидеть, кто его зовет. Пока его люди продолжали сражаться, он, не переставая оглядываться, крадучись пошел вдоль берега на голос.

– Командующий, – снова раздался голос, на этот раз ближе – из темноты сразу за деревьями.

Фаир лежал на земле, и Бринд, приблизившись, увидел, что он держится руками за остатки своей ноги. Культя была неумело обмотана пропитавшимися кровью тряпками.

– Сэр... – начал было Фаир, но тут же закричал, и слезы потекли по его закопченному лицу.

Бринд присел рядом с ним на корточки:

– Лежи тихо.

Он раздвинул промокшие тряпки и обнаружил, что нижнюю часть ноги Фаира оторвало взрывом. Еще у него не было уха, и на его месте зияла рана, сквозь которую просвечивала кость.

– Не думай об этом, – сказал Бринд. – Подумай о чем-нибудь другом. О чем угодно... Ты знаешь, кто на нас напал? – И тут же сунул Фаиру между зубами полоску коры.

Фаир потряс головой, поморщился, когда Бринд, оторвав кусок материи от своего плаща, крепко перетянул культю, и снова закричал, выплюнул кору и простонал:

– Засада...

– Предательство, – пробормотал Бринд. – Никто не должен был знать, что мы здесь. Ну вот, этого хватит. Жить ты будешь, так что давай-ка пока убережем тебя от джилов. Голова сильно болит?

Фаир закрыл глаза, из-под век выкатились слезинки, он шепотом спросил:

– Культисты?

Бринд отрицательно покачал головой:

– Сомневаюсь. С каких это пор они пользуются такими простыми вещами, как луки и стрелы? Ты больше никого не видел?

– А как же... шары?

– Да? И что с ними? – Сунув руку в нагрудный карман, Бринд вытащил маленькую серебряную коробочку. Внутри в разных отделениях лежало несколько разноцветных порошков.

Он взял щепотку синего и сунул ее Фаиру под нос. В считанные секунды глаза солдата закрылись, и он отключился. Бринд встал, убрал коробочку в карман. Жестокость ранений удивила его. Ночные гвардейцы были хотя и незначительно, но все-таки усилены, они должны были быстро приходить в себя и почти не страдать от ран.

Отходя от раненого, он поднял лежавший на земле клинок, острую джамурскую саблю. Отрубленные куски плоти устилали берег, как после забоя тюленей; небо над фьордом почернело от дыма.

Другая стрела просвистела мимо, Бринд пригнулся и схватил с камней обломок корабельной доски. Прикрываясь им как щитом, он направился к лучникам, которые стреляли из темноты между деревьями. Стрелы со стуком втыкались в дерево или щелкали о камни вокруг его ног, когда он вбежал в относительно безопасный лес. Отбросив деревяшку, он понесся вдоль берега в погоню за лучниками и теми, кто обстрелял его корабли огнем.

Глупо, конечно, в одиночку преследовать врага, который обдумывал это нападение явно не один день.

Но кто этот враг? И почему он на них напал? Ведь они пришли сюда за топливом, всего-навсего. Император настоял на том, чтобы в эту экспедицию отправились самые испытанные люди, те, кому он, при всей своей паранойе, еще доверял. Ночные гвардейцы.

А вот и враг, присел на опушке леса и смотрит вдаль, на тот берег фьорда. Бринд, словно охотник, описал широкий круг, держась вне поля зрения потенциальной жертвы, и

выдернул кинжал из сапога. Огонь с таким треском пожирал корабли, что подобраться к жертве тихо труда не составило, и Бринд, не дойдя до неприятеля каких-то двадцати шагов, метнул клинок.

Лезвие пробило лучнику лицо, и он беззвучно упал. К нему подбежал второй дикарь. Бринд мгновенно прижал его к земле и тут же перерезал ему горло саблей.

Это племя было не с Джокулла и ни с одного из островов империи. Начать с того, что одежда у них была не местная и украшения, кроме костяных амулетов на шее, отсутствовали. Бринд вытащил из первой жертвы свой кинжал, аккуратно протер лезвие и спрятал оружие за голенище.

Джилы уже крались в сумеречном свете, предвкушая свой час. Он решил вернуться и ждать рядом с Фаиром, убивая только тех, кто приблизится к нему. Отомстить можно потом.

Настала ночь, и ум Бринда заработал еще более рационально, как бывало всегда. Мысленно он составлял списки, разрабатывал стратегии, прикидывал возможности. Он присел рядом со спокойно отдыхавшим молчаливым Фаиром. Пока его не было, кровавые жуки прогрызли материю, которой он забинтовал ногу Фаира, и уже начали пировать в его культе, укоротив ее еще по крайней мере на ширину ладони. Зато в процессе еды они вырабатывали секрет, обладающий кровоостанавливающим действием, и рана начала подсыхать, так что нет худа без добра. Кончиком сабли Бринд выковырял прожорливых тварей из раны и прикончил их поодиночке, проткнув каждую насквозь.

Небо очистилось, и стало непереносимо холодно. Костер разжигать было нельзя – это неизбежно привлекло бы внимание. Трех лошадей отвели глубже в лес, чтобы их не украли. Что теперь? Эх, был бы с ними Нелум, у того идеи рождались в голове поминутно, но Нелум остался в Виллджамуре, так как Бринд решил, что вряд ли он ему понадобится.

Еще несколько раз гремели взрывы, искры рассыпались в ночи, когда взлетали на воздух бочонки с огненным зерном, но Бринд был уверен, что предстоящая ночь пройдет спокойно. Тринадцать ночных гвардейцев погибли. Еще пятеро пропали без вести – скорее всего, мертвы.

Несколько часов назад на фоне пламени задвигались тени.

Отплыла неразличимая в темноте лодка.

Все стало тихо и до жути неподвижно.

Он почти не помнил случая, когда Ночная Гвардия выглядела бы столь беспомощной на поле боя. Силы империи обычно доминировали в любом вооруженном противостоянии, с беспощадной эффективностью очищая острова от бунтарей. Так было, когда он начинал служить нынешнему императору в пехотном полку, так продолжалось, когда он перевелся в драгунский, и, наконец, так оставалось, когда он получил назначение сюда, в Ночную Гвардию. Прославившись своей верностью и отменными боевыми качествами, он дослужился до чина командира. Но в верности ли тут было дело? Или из-за цвета своей кожи он все время испытывал потребность кому-то что-то доказывать?

Ему надо было доказать, что он *нормальный* вояка, неизменно преданный империи. Так было легче жить. Будучи одним из немногих альбиносов в Джамурской империи, он привык к тому, что его вечно считали аутсайдером. Нет, всем, конечно, было жутко любопытно. Больше всего взглядов привлекали его покрытые красной сеткой сосуды глаза. Люди смотрели на них то ли со страхом, то ли со смехом, этого он никогда не мог понять, но люди ведь вообще любят глазеть, верно? В результате, чувствуя свою ненормальность, он вынужден был работать над своей физической и интеллектуальной формой с особым упорством.

Из-за прикрытия деревьев он смотрел на небольшие костры, которые продолжали гореть там, где среди вывалившегося с кораблей груза тлело огненное зерно. В основном оно, конечно, утонуло и теперь лежит на дне, мокрое и бесполезное. Но небольшая часть топлива

просыпалась на обломки корабельных досок и теперь, тлея, плыла вместе с ними к морю, освещая тьму, словно праздничная процессия в честь бога воды Сула. У него мелькнула мысль, не привлекут ли эти пожары сюда аэзских жрецов в поисках ракушек для ворожбы?

И что они скажут мне тогда? Что моя удача кончилась? Еще чего!

Он взял стрелу, вытащенную им из тела убитого солдата, и поднес к глазам в надежде разгадать ее происхождение. Скорее всего, с острова Варлтунг, хотя никаких рун, указывающих на мастера, на ней не было. Просто история сопротивления Варлтунга отрядам империи насчитывала уже не одно десятилетие. Высокие прибрежные утесы уберегали остров от вторжения с моря. Но теперь, из-за надвигающегося Оледенения, Совет и так не желал больше присоединения новых территорий.

Но как чужие отряды могли высадиться на Джокулле, главном острове Джамурской империи, без чьего-либо ведома? Его отряд послали сюда по высочайшему повелению самого императора, и лишь Совет, правящий орган империи, был в курсе его миссии.

Из тьмы появился какой-то человек.

– Ха! Ну, вы те еще гребаные ночные гвардейцы! – сказал он. – Еще секунда, и я бы вам всем глотки перерезал.

– Я засек тебя еще час назад, капитан, в ста шагах отсюда, выше по берегу. Ты там так топал, что странно, как это ты не остался лежать на тех скалах, наспигованный стрелами. – Бринд поднял голову. – И сколько тебе понадобилось времени, чтобы сообразить, что я свой?

Капитан Апий Хой проигнорировал насмешку, зато внимательно осмотрел спящего Фаира, обойдя его кругом. Тот был коренаст, бледен и рыжеволос. На его груди красовалась брошь – семиконечная звезда, символ империи и число завоеванных ею народов, и только тут Бринд заметил, что потерял свою.

– Похоже, старина Фаир откусил ломоть не по зубам, – заметил Апий.

– Это даже не смешно, капитан. Посмотрел бы ты на него, когда он был еще в сознании. В жизни не видал, чтобы человек так мучился от боли.

– Жуки? – предположил Апий.

– И они тоже. Взрывом ему оторвало ногу до самого колена. Я остановил кровь, потом ненадолго ушел, а когда вернулся, то – вот.

– Хорошо хоть не джили. Так сколько же нас осталось, сэр? – Апий со стоном опустился на землю рядом с Бриндом.

– Мы все перед тобой.

– Тягать варлтунгского бога-дракона за яйца! – Капитан покачал головой.

– Я не стал бы сейчас поминать этот народ.

– Что, на них думаете?

– Кто знает, на кого тут думать?

– Так что с вами произошло, командир?

– Похоже, меня выбросило с корабля прямо в лес, – объяснил Бринд. – Я врезался в деревья и упал. А с тобой?

– Я был на берегу, когда ваш корабль... взлетел на воздух. Вижу, лучники бегут в лес, ну, я за ними. Одного подстрелил, возвращаюсь – двое валяются мертвые. Я стал искать катапульту – как-то же этот огонь долетел до кораблей, – ничего не нашел. Только пустую вырубку. На берегу нас было по меньшей мере четверо: ну, там, Джин, Болдар, Авул, но, когда я вернулся, они куда-то делись.

Молчание.

Военным не привыкать видеть, как умирают товарищи. Хотя, конечно, тяжело. Все-таки в армии людей соединяют крепкие узы. Однополчане становятся одной большой семьей. И вместе им порой доводится повидать всякого побольше, чем иной супружеской

паре. В полку будет траур, как всегда в таких случаях. Но теперь не время думать об этом, и Бринд запрятал эту мысль подальше, чтобы вернуться к ней потом, на досуге.

– Есть какие-нибудь соображения, кто мог это сделать? – спросил Апий. – Я не про дикарей, я про тех, кто все спланировал?

– Нас подставили, – помолчав, буркнул Бринд. – Кто-то в Виллджамуре хотел, чтобы это случилось.

– Но почему?

– Чтобы мы не сумели как следует подготовиться к зиме, я полагаю. Других идей у меня нет.

– Тогда мы в заднице, – продолжал Апий. – Может, нам следовало взять с собой культиста?

– Задним умом все крепки, но, когда мы отправлялись, всем хотелось сохранить наш поход в тайне. В этом ведь было все дело, так? Культисты только привлекли бы к нам внимание. К тому же они бы все *знали*, а это противоречит поставленной задаче. Хотя к чему столько секретности, когда дело идет о кучке топлива? Похоже, Джохинн просто хотел, чтобы мы меньше полагались на них. Знаешь, вообще-то, он даже говорил мне перед отъездом, что подозревает культистов в том, что они свалят от нас, преследуя собственные цели, едва начнется Оледенение. Хотя это еще не значит, что он хочет привыкнуть править без них, обходиться без их помощи, когда их нет рядом. Он сам, конечно, небольшой мудрец, но эта мысль не так уж плоха, вот что я скажу.

– Хм... – Лицо капитана выражало неуверенность. – И все же они бы нам тут не помешали.

– Когда мы вернемся домой, я собираюсь задать кое-кому парочку неудобных вопросов.

– Значит, у нас будут проблемы? – осведомился Апий.

– Не особенно серьезные. В лесах по всей империи полно деревьев, хватит, чтобы обогреть жилые дома, по-моему. Тут все дело в Джохинне. Вбил себе в голову, что без огненного зерна не обойтись, а ты же знаешь, что у него в последнее время с мозгами.

Капитан подавил смешок, потом ткнул пальцем куда-то между деревьями.

Две луны всходили меж высоких холмов по обе стороны фьорда, одна заметно больше другой, но обе белые, точно призраки, повисшие низко в небе. Астрид, меньшая из лун, казалась совсем ненатуральной, словно сделанной из какого-то бледного металла, даже неуместной на небе, из-за чего Бринд всегда чувствовал свое родство с ней.

Некоторое время мужчины просто смотрели. Кругом было тихо. Свет звезд постепенно обрисовывал склоны холмов.

– Красиво сегодня, правда? – заговорил Апий. – Даже не верится, что из-за них все это.

– Что?

– Оледенение. Не верится, что оно наступает из-за лун.

– Если подумать логически...

– Видишь, это и есть твоя проблема. Я просто сказал – странно, что из-за них такое случается. А ты сразу начинаешь рассуждать и все запутывать.

– Мы живем в запутанном мире, капитан.

– Надо тебе чаще трахаться, – проворчал Апий, укладываясь спиной на землю и забрасывая за голову руки.

Бринд вдруг встал. Он заметил вблизи какое-то движение.

– Чего это ты вдруг подскочил? Задел тебя за живое, что ли?

Бринд сделал ему знак помолчать.

Рыжий рывком сел и уставился в том же направлении, куда смотрел Бринд:

– Ничего не вижу.

Бринд шагнул вправо, его глаза были широко раскрыты, походка напряжена. В считанные секунды он понял, что Апий его уже потерял: даже издали в ярком свете луны бросилось в глаза туповатое выражение его лица. И как Апий ухитрился остаться в живых, служа в Ночной Гвардии, было выше его понимания. Может, молился какому-нибудь недозволенному божеству, которое знает что-то такое, чего не знают другие? Инъекции, сделанные всем служащим элитного отряда при вступлении в его ряды, в случае капитана давно уже должны были утратить свою силу – столько он пил.

Осторожно пройдя несколько шагов в том направлении, где, как ему показалось, шевелилась листва, Бринд тихо потянулся за своей саблей. За молодым деревцем он увидел его: мужчину, голого, с ног до головы покрытого грязью. Нахмурившись, Бринд подобрал с земли камень. Метнул, попал, но человек продолжал стоять, как стоял, даже не мигнул. Бринд бросил еще один камень. Никакой реакции. Он свистнул, подзывая Апия.

Несколько секунд спустя его товарищ уже топал к нему сквозь лес:

– В чем дело?

– Там какой-то человек. – Бринд показал на стоявшего. – Он голый.

– Голый?

– Я же говорю, голый.

– Верно, – согласился Апий. – Что он тут делает, в этой глуши, совсем голый? Немного упражнений на свежем воздухе, а?

– А я откуда знаю? – огрызнулся Бринд. – Хотя, если пойти разведать, вреда не будет, правда? – Судя по всему, вокруг никого больше не было, он был уверен, что они одни. – Давай подойдем ближе. – И Бринд направился к голому человеку, который давно уже не подавал никаких признаков жизни. Если он и заметил их присутствие, то ничем этого не выдал.

– Селе Джамура вам, сэр, – сказал Бринд, надеясь, что традиционное джамурское приветствие вызовет какую-нибудь реакцию. Ничего подобного. Он оглядел человека с головы до ног. – Вам, наверное, э-э-э... холодно.

Апий фыркнул.

Человек продолжал стоять, не шелохнувшись и уставившись перед собой. Они осторожно подошли к незнакомцу на расстояние вытянутой руки и заметили, что лицо мужчины было так бледно, будто в нем совсем не осталось крови. Он слегка косил, и его взгляд проходил словно сквозь Бринда. Странные раны покрывали кругом его шею, а голова, как обратил внимание Бринд, была выбрита неровно, так что черные волосы торчали на ней клоками.

– На вид как мертвый, правда? – заметил капитан.

Бринд протянул руку и ткнул человека в грудь. Снова никакой реакции. Осмелев, командир сделал шаг вперед и взял человека за руку, чтобы нащупать пульс:

– Клянусь Бором, так и есть.

– Что?! – задохнулся Апий. – Мертвый?

– Да. Никаких признаков пульса. – Он выпустил запястье, и рука упала, ударив человека в бок.

– Это работа культистов, Бринд, – предостерег Бринда Апий, со страхом в глазах протягивая руку к его плечу. – Это противоестественно. Мне это не нравится. Понятия не имею, что с ним сделали, но нам лучше оставить этого парня в покое и вернуться к Фаиру. Я даже думаю, что нам лучше отойти отсюда подальше.

Пораженный, Бринд не знал, что и думать. Закаленный солдат, он видел в жизни всякое, но этот человек прямо перед ним явно свидетельствовал о существовании технологий, о которых он не имел никакого понятия. И что ему остается делать? Можно его убить, но вдруг поблизости окажутся другие? Стоит ли провоцировать их? Оставшись практически без людей, Бринд решил, что лучше его не трогать и доложить обо всем в Виллджамуре.

– Думаю, ты прав. Это подождет. Я, может быть, вставлю это в отчет.

Они аккуратно перенесли Фаира к руинам храма цивилизации Азимут.

Мало что было известно о создавшей его цивилизации, да и от самого храма не осталось почти ничего, кроме скрытой под землей кладки. Одна башня развалилась полностью, засыпав своими обломками склон холма сразу за мысом Далук, ее фундамент клином торчал из земли. Мох и лишайники скрыли его почти целиком, но под ними еще можно было различить узоры: прямоугольники внутри прямоугольников, считавшиеся традиционными религиозными символами. Полагали, будто представители цивилизации Азимут поклонялись нумерологии и математической точности. Эта идея вызывала симпатию Бринда: поиск красоты в самом абстрактном источнике. Командующий раздумывал об этом, пока Апий дремал подле Фаира.

Бринд сидел у подножия башни, подтянув колени к груди и привалившись спиной к камню. Его сабля висела в ножнах у него на боку. Холмы, окружавшие фьорд, четко вырисовывались в свете звезд, и он сконцентрировался на звуках, как всегда во время ночных нарядов, когда ждешь и боишься услышать шаги, треск сломанной ветви, чье-то приближение. Но вокруг все было тихо, только ночные животные и птицы изредка подавали голоса, от которых он еще острее ощущал свое одиночество.

Вообще-то, он уже начал сомневаться, здесь ли он.

Глава третья

«Самый прожженный циник, – размышлял следователь Румекс Джерид, – в сущности, является человеком по-настоящему романтическим, поскольку постоянно ощущает, что мир предал его». Однако сам он сегодня не ощущал в себе особого романтизма, зато цинизма – хоть отбавляй.

Снаружи по старому камню стен хлестал дождь. Джерид любил этот звук, он напоминал ему о мире. Слишком много дней провел он в последнее время в этих мрачных помещениях, так что начал даже забывать о существовании Виллджамура. Приходилось делать над собой усилие, чтобы вспомнить, что в его жизни значит этот город.

Опустив глаза, румель взглянул сначала на свою правую руку, в которой он держал отвергнутые театральные билеты, потом на левую, с запиской.

Там было написано: «Спасибо, но теперь уже слишком поздно, тебе не кажется? Мариса».

Джерид вздохнул, его хвост вздрогнул. Записка была от бывшей жены. Они оба были румелями и прожили вместе больше ста лет. Все-таки у не-людей есть свои преимущества. Взять хотя бы румелей: они не просто толстокожи, но и живут дольше, а значит, могут не торопиться, подождать. Румели не носятся как угорелые в поисках ответов на главные вопросы. Со временем все ответы сами приходят к ним. Но именно поэтому разлука с Марисой казалась ему особенно болезненной, ведь с ее уходом он как будто потерял половину своей жизни.

Свернув записку, он положил ее и билеты в ящик стола. Придется пригласить кого-нибудь на спектакль. Или вообще не ходить, просто забыть о нем, да и все.

С этим Оледенением и без того холодно будет, а тут еще придется коротать его в одиночку. Он вздохнул.

Она намекала, что собирается бросить его, еще до того, последнего дня, но это было как раз в тот месяц, когда вновь прибывшие беженцы дрались на улицах с группами ультра-правых из Виллджамура, и он ни о чем больше не мог думать. Инквизиция тогда схватила и казнила в назидание другим нескольких человек. Все они оказались разочарованными в жизни отставными пехотинцами; ходили слухи, что они симпатизировали правым.

А значит, у Джерида тогда совсем не было времени на Марису.

Она любит антиквариат. В таком старом городе, как Виллджамур, его много. Иногда, рассказывала ему она, ей кажется, что она вот-вот найдет старинную реликвию, которую проглядели культисты, и сделает на ней состояние. Но Джериду некогда было предаваться пустым мечтам, – по крайней мере, так он утверждал. У него на уме была одна работа. Приходя домой, он приносил с собой трагическую атмосферу древних улиц, нес ее как свое бремя. В его должностные обязанности входило поддержание порядка в городе, где проживает четыреста тысяч особей разных видов, но, стоило ему прийти домой, жена начинала вертеть перед его носом какую-нибудь новую покупку, рассказывать ее предполагаемую историю, вычитанную ею в старых книгах, которые она без конца покупала. Баловство! Современное джамурское общество завершало собой длинный ряд сменявших друг друга культур и цивилизаций, каждая из которых оставляла свой хлам и мусор. Конечно, культисты уже успели прибрать к рукам все сколько-нибудь значимое из наследия цивилизации Даунир. Остались лишь намеки на то, что когда-то, в иных обществах, таких как Кинтан, Азимут и другие, жизнь была лучше, а нынешний Виллджамур, пусть и столица империи, все же существенно уступает былым городам в культуре и цивилизованности.

Вполне естественно, что интересы супругов вскоре разошлись. Как-то вечером она устремила на мужа долгий взгляд и сидела, глядя на него и в то же время сквозь него, словно

прямо там и тогда решала, бросить его или нет. Не было ни споров, ни обсуждений, а он не хотел даже спрашивать, почему она уходит, так боялся услышать какую-нибудь неприятную правду о себе.

Когда правда все же прозвучала, оказалось, что она вовсе не так горька, и от этого ему почему-то стало только хуже. Иногда, закрыв глаза, он слышал звук ее шагов, а когда она уходила, видел, как волочится за ней хвост, уползая в незакрытую дверь. Слышал тишину, наступившую в комнате после ее ухода. Он не верил, что в дело был замешан другой румель. Скорее, она ушла потому, что в ее жизни никогда по-настоящему не было мужчины. Она ушла, оставив ему лишь адрес для писем до востребования и указание не искать ее там.

Джерид чем дальше, тем сильнее разочаровывался в жизни.

Мало того, ребяташки, жившие дальше по улице, снова взяли моду швырять снежки ему в окна. Каждую зиму они изводили его тем, что обстреливали снежками его дверь, вынуждая его встать и открыть ее, а сами тут же давали деру и с ловкостью, доступной лишь городским жителям, растворялись в лабиринте улочек и переулков. Пострелята отлично знали, что он служит в инквизиции, и это престижное отличие превратило его в их мишень. Швырнуть в него снежок стало делом чести каждого мальчишки, а день, когда им не представлялось такой возможности, они, должно быть, считали прожитым напрасно.

Ублюдки.

Он как раз зевал, сидя за своим столом, когда в кабинет вошел его помощник Трист:

– Что, засиделись на работе, Джерид?

– Как обычно, – ответил он. – Но я ничего, справляюсь.

Он всматривался в человеческую фигуру помощника, хотя его занимало отнюдь не атлетическое сложение последнего и не его ярко-голубые глаза или густые темные волосы. Строго говоря, он даже не завидовал, просто молодой человек напоминал ему о давно прошедших временах – лет сто тому назад или больше, – когда сам Джерид еще следил за собой. И все же Джерид сохранил проницательный ум, к которому прибавился опыт.

Однако что-то, очевидно, было не так.

– Что на этот раз? – поинтересовался Джерид. – Ты опять из-за повышения по службе? Ты же знаешь, я считаю тебя лучшим из помощников. Для меня ты как член семьи, но ты человек, а правила есть правила.

Джерид и сам переживал из-за того, что не выдвигал Триста на повышение, учитывая, какие способности продемонстрировал молодой помощник и как он трудился для того, чтобы достичь своего нынешнего положения. Вместе они раскрыли больше ста преступлений. Джерид искренне хотел бы направить его на повышение, но знал, как отнесутся к этому нынешние власти. Людей никогда не допускали к ключевым должностям в инквизиции. Все дело было в том, что они слишком мало жили. Продолжительность жизни румелей составляла в среднем около двухсот лет, а значит, у них было больше возможностей достичь истинной мудрости. Так повелось издавна, еще первые императоры своими декретами установили такой порядок, чтобы сгладить некоторые шероховатости совместного существования двух рас гоминидов. Традиции разрушать нельзя, вот Джерид и не предпринимал никаких шагов.

– Дело не в этом, – ответил Трист, глядя в пол. – Все нормально. Я понимаю. – Но что бы он ни говорил, видно было, что такое положение вещей все еще причиняло ему боль. – Нет, вам лучше самому пойти посмотреть. Варкур сейчас не в городе, так что им нужны вы.

– Надеюсь, не беженцы опять бунтуют, – сказал Джерид. – Мы обошлись бы и без этого.

– Нет, это не они. У нас убийство.

– Убийство? – переспросил Джерид, вставая с неподвижным хвостом.

– Да. Очень высокого ранга, – сказал Трист. – Мы только что слышали вопль банши.

Убит советник.

Рандур разглядывал следователя-румеля и его помощника-человека. Оба были в официальных темно-красных туниках, но у румеля из-под нее выглядывали коричневые брюки, точно он не любил свою форму. Следователь и его помощник изучали место преступления, где Рандуру было велено задержаться как свидетелю. На Фолке румелей почти не было, и теперь, глядя на него, Рандур думал о том, оттого ли у них и у людей развилось сходное мышление, что они веками жили бок о бок? Что важнее, природа или среда? Возможно, и то и другое.

У румеля была черная кожа, грубые возрастные складки виднелись на ней даже изда-лека, и Рандур подумал, что румель, должно быть, пережил уже немало зим. Чертами широкого лица он походил на соплеменников: те же впалые щеки, выпуклые блестящие глаза. Следователь бродил по переулку словно без всякой цели, его хвост мерно покачивался в такт шагам. То и дело он поднимал голову к небу, точно проверяя, не пойдет ли снег.

Продавцы и покупатели мельтешили на ирене за ними. На каком-то прилавке уже начинали жарить толстые ломти тюленятины, дым поднимался к балконам и мостикам над головами. Всюду продавали меха, выделанные шкуры – медвежьи, оленьи, рысьи, – из которых каждый мог изготовить то, что ему больше по вкусу. Здесь же можно было купить поддельные украшения разных племен и другую ремесленную фальшивку в том же духе. Их делали тут же, в Виллджамуре, и продавали по дешевке, но жители города не видели никакой разницы между подделками и настоящим продуктом, а если видели, то не придавали значения.

Внимание Рандура привлекала одежда, в особенности последние новинки моды: крошечные воротнички с маленькими рюшами, бледные пастельные тона на женщинах, совсем не украшавшие их, по две брошки, приколотые рядом где только можно. Мечи, которые носили горожане, были в основном короткие, с широким лезвием, похожие на ножи, и Рандур подумал, что такими, должно быть, удобно убивать в узких ходах и переулках Виллджамура.

Инквизиция уже перекрыла проход в переулок, где лежал труп, и теперь ее люди устанавливали высокие деревянные щиты, чтобы загородить ими место преступления.

Румель подошел к Рандуру, холодный и вежливый:

– Селе Джамура вам, сэр. Я следователь Румекс Джерид. Назовите, пожалуйста, ваше имя.

– Рандур Эстеву, с Фолка. Прибыл сегодня утром.

– Вы не местный? То-то мне показалось, что я уловил акцент. Однако вы хорошо говорите по-джамурски. Удивлен, что стража вас пропустила.

Рандур пожал плечами, прядь волос упала ему на лоб.

– Позвольте спросить о цели вашего визита в город. Людей извне в ворота обычно не пропускают из-за Оледенения. У нас тут много проблем, понимаете ли.

– Да, конечно. Меня наняли на работу в императорский дворец, я показал свои документы у каждых из трех ворот. Все законно.

– Хорошо, конечно, но осторожность никогда не помешает. У нас тут небольшие проблемы с беженцами, как вы, наверное, заметили, входя в город.

– Да, бедняги. – Рандур поднял ворот плаща. – А вы... э-э-э... впустите их всех внутрь до наступления холодов?

– Ответ на этот вопрос не в моей компетенции, но Совет заверяет горожан, что все под контролем. Не могли бы вы рассказать мне обо всем, что видели? Не опуская подробностей.

– Да мне почти нечего сказать. Он вбежал откуда-то оттуда, громко крича. – Рандур показал на переулок в противоположном конце ирена. – Жуки уже кишели в его ранах, а потом он упал на землю, на то самое место, где лежит сейчас.

Румель нацарапал что-то в книжке:

- Не было ничего, что показалось вам странным или неуместным?
- Мне все сегодня кажется немного странным.
- Румель усмехнулся:
- Добро пожаловать в Виллджамур, парень.

Джерид присел у тела на корточки, вглядываясь в раны, в струйки крови, которая текла на мостовую. Немного погодя он обратил внимание на помощника Триста, внимательно осматривавшего каждый уголок переулка. В дальнем конце лежали сломанные рамы и баночки из-под краски из ближайшей галереи.

Ничего не изменилось за последние пятьдесят лет на Гата-Картану и пересекавшей ее Гата-Сентиментал с тех пор, как этот район нахально захватили представители богемы.

Нижние части стен покрывали надписи: вырезанные в камне ножом, они скопились здесь за века. Оды возлюбленным. Угрозы всем и каждому. «Кто следит за ночными гвардейцами?» «Такой-то и такой-то берет в рот». И прочее в том же духе. Кое-где на булыжниках виднелись пятна краски; несмотря на сырость, откуда-то тянуло застарелым запахом еды. По ночам фонари отбрасывали длинные мрачные тени, в безветренные дни влажность в таких узких проулках становилась удушающей. А еще здесь вечно ходили слухи о выведенных культистами животных-гибридах, которые встречались тут в предрассветные часы.

Анализируя разные варианты, Джерид пытался представить картину преступления.

Деламонд Рубус Гхуда. Жертва – человек, мужчина сорока с лишним лет, – старший член Совета Виллджамура. Грудная клетка вскрыта и вывернута самым необычайным образом. Одежда вокруг раны как будто растворилась, а мясо словно вычерпали ложкой. Никаких следов орудия преступления возле трупa не наблюдалось. Таких ранений Джерид еще не видел.

Это совсем не походило на те небрежно совершенные преступления, которые ему обычно доводилось расследовать. Старому румелю вроде Джерида уже давно должна была надоесть его работа: люди никогда не совершали ничего нового, все время одни и те же проступки и грехи. Убивали они обычно на почве страсти, крали то, что не могли купить; попадались и наркоманы. В общем, люди обычно либо старались побольше урвать от жизни, либо спрятаться от нее.

Но это преступление содержало намеки на совсем иные обстоятельства...

Рядом с ним остановился Трист.

- Зрелище не из приятных, – заметил Джерид.
- И в самом деле.
- А это что? – Джерид, шаркая, отошел в сторону, ковырнул пальцем камень. К нему пристало что-то синее.
- Краска, наверное, – предположил Трист, – из галереи. Вон там целая куча банок.
- Джерид встал, вытер палец о форму.
- Оттуда никаких очевидцев нет?
- Я пошлю кого-нибудь, пусть поспрашивают. Постучат в двери. Хотя особых надежд у меня нет.

– Пусть прямо сейчас этим займутся. Мне нужно знать, не случилось ли тут чего-нибудь странного. Не видели ли кого-то необычного. Не было ли какой потасовки, драки на мечах и так далее. А еще нам нужно знать, чем он занимался ночью и сегодня утром.

– Хорошо. – Трист повернулся, чтобы уйти.

– А еще позаботься, чтобы не пошли слухи, – бросил ему вдогонку Джерид. – Я сам свяжусь с Советом и дам им знать. Нельзя, чтобы об этом стало известно именно сейчас. Те, кто видел, как его убили, вовсе не обязательно поняли, кто он, а я не хочу, чтобы до импе-

ратора Джохинна информация дошла по слухам. Бор его знает, решит еще, что это заговор какой-нибудь.

Джерид медленно зашагал в дальний конец переулка, бросая взгляды на три шпиля, далеко видимые сквозь утреннюю морось, и мостики, изогнувшиеся между ними.

От размышлений его отвлек Трист:

– Следователь, отвезти его к нам сейчас?

Джерид сунул руки в карманы штанов под формой. Улочка оканчивалась тупиком, где у стены был свален мусор из галереи. Считая себя не чуждым искусству, Джерид старался посещать все городские галереи, но в этой не бывал никогда. Мариса часто рассказывала ему о ней, причем не скупилась на похвалы, но он так и не собрался посмотреть. Хотя, сказать по правде, она могла и преувеличить. Слишком много преступлений повидал он здесь за долгие годы, чтобы взирая на любой уголок города с восторженной наивностью. В особенности вблизи Кейвсайда, где сами здания дышали распадом.

– Да, отвезите сейчас, – велел Джерид. – Хорошо бы поскорее замять это дело.

Глава четвертая

Они проезжали мимо сотен беженцев, стоявших лагерем вдоль всей Санктуари-роуд. Их становилось больше с каждым днем, а условия их жизни все ухудшались. Чумазные ребятишки бегали между палатками по обе стороны дороги, обочины которой давно уже превратились в грязь. Беженцы приводили с собой скотину и на скорую руку сооружали для нее загоны. Костры, разведенные с вечера, за ночь прогорали до золы. Утренние лица были угрюмы, люди смотрели на него с выражением смущенной мольбы – они не привыкли к нищете и подумать не могли, что все вот так кончится.

За стенами одного города рос другой.

Люди шли сюда с надеждой. Они надеялись, что их не бросят умирать на морозе, когда настанут холода. Надеялись, что главный город империи даст им укрытие в своих лабиринтах. Надеялись, что всем хватит еды и тепла. Они прибывали с Куллруна, Южных Фьордов, Фолка, Й'ирена, Тинеаг'ла, Блортата – это было слышно по их акцентам. У себя на родине они собрали пожитки и двинулись в Священный город. Но город не мог предоставить еду и кров всем желающим на ближайшие пятьдесят лет – столько, по приблизительным подсчетам, должны были продлиться наступающие холода. Такова была политика властей – то самое правительство, которое командовало ими, пока они сидели дома, не желало давать им убежище. Хотя, будь они землевладельцами, их приветствовали бы здесь с распростертыми объятиями – такова была жизнь.

Проезжая мимо них к востоку, Бринд сочувствовал им, испытывал желание помочь.

За ним, на телеге, трясся полусонный Апий.

– Капитан! – резко окликнул его Бринд, и тот, встряхнувшись, проснулся:

– А? Что? Уже приехали, командир?

Лошади приближались к главным воротам – высоченной гранитной башне с врезанными в нее массивными железными створками.

– Селе Джамура, – обратился Бринд к стражнику, облаченному в кроваво-красную тунику, и тот, подняв голову в меховой шапке, отсалютовал как положено:

– Командующий Латрея, селе Джамура вам. Все хорошо?

– Бывало и лучше, – кисло ответил Бринд.

– Командующий, мы обязаны задать вам вопрос о содержимом вашей телеги.

Бринд кивнул, зная, в чем состоят обязанности охраны. Стражник подошел к телеге, поприветствовал Апия и стянул покрывало, под которым лежал их раненый пассажир.

– Стычка возле мыса Далук, – объяснил Апий. – Ему еще повезло.

– А что с ним? – спросил солдат, накрывая Фаира.

– Мы и сами хотели бы это знать, – признался Бринд.

Стражник ответил ему улыбкой бывшего солдата:

– Ладно, проезжайте.

Он сделал знак открыть ворота. Когда металлические двери со стоном распахнулись, из-за них вышли еще около двадцати солдат и оцепили вход, чтобы никто из беженцев не прорвался внутрь. Хотя у них все равно ничего не получилось бы, ведь за этими воротами располагались вторые и третьи. И все они были накрепко заперты для беженцев.

Так ночные гвардейцы вступили в Виллджамур.

Город праздновал День жрецов. Дважды в год всем запрещенным в иные дни культам разрешалось выставить себя напоказ. Улицы были заполнены жрецами из разных племен, ради такого события они получали однодневный пропуск в город, где за каждым их шагом зорко следили солдаты пехотного полка. Сулисты толпились вокруг своих жрецов, гадающих по ракушкам. Нунисты, густо намазавшись рыбьим жиром, встали в кольцо, взяли

за руки и распевали мелизмы, а сбежавшиеся к ним городские кошки тем временем слизывали лакомство с их ног. Овинисты, как было у них заведено, поднимали в воздух свиные сердца и ловили губами капающую с них кровь. По всей видимости, так они чувствовали себя ближе к природе, однако Бринду казалось, что для этого можно было придумать что-нибудь не столь омерзительное.

Обычно на улицах не позволялось отправлять свои обряды никому, кроме приверженцев двух официальных культов – Бора и Астрид, почитаемых под эгидой Церкви Джорсалира. Только два дня в году горожане могли знакомиться с другими религиями. Бринд считал эту затею бессмысленной, ведь если кто заинтересуется иной верой настолько, что захочет следовать ее учению, то ему придется сначала покинуть Виллджамур.

Бринд вел уцелевших гвардейцев по главным улицам на верхний ярус города, где пешеходов было куда меньше.

Вдруг вспышка фиолетового света привлекла его внимание, и он соскочил с лошади.

– Что такое? – спросил озадаченный Апий.

– Я сейчас вернусь.

Бринд шел по узкому проулку, пока не увидел культиста, стоявшего, прислонившись спиной к стене. К груди он прижимал узкий цилиндр, из которого на его голую кожу сыпались фиолетовые искры. Само устройство как-то крепилось к его ладони, держась на складке кожи. Гримаса боли и наслаждения искажала его лицо. Бринд с отвращением отвернулся.

– Что это было? – спросил его Апий, когда он вернулся.

– Наркомаг, – буркнул Бринд, снова садясь в седло.

– В чем дело? – спросил Джамур Джохинн, поднимая голову от обеденного стола.

Император ел рыбу, внимательно осматривая каждый кусок на предмет костей. Взгляд у него был такой рассеянный, что, казалось, поставь ему кто-нибудь вместо тарелки с рыбой блюдо с лимонами, он и не заметил бы подмены, а продолжал есть. Временами Джохинн вообще отказывался от еды или убеждал слуг, что съел все до крошки, а они потом находили тарелку вместе с едой на камнях под окном его комнаты или в декоративном кувшине. О причинах такого поведения можно было лишь гадать: то ли это анорексия, то ли страх быть отравленным. Сам император ничего не объяснял, а спросить его напрямую все боялись.

Обеденный зал был узким, но прорезанные всюду окна делали его просторнее. Ранние джамурские росписи с изображениями астрологических феноменов в виде таблиц украшали каждую из арок. Никто не знал, каков их смысл. Вдоль стен молчаливыми гостями стояли постаменты с закопченными от времени бюстами прошлых императоров, предков Джохинна, и, как всегда, из-за колонн выглядывали слуги, не желая быть увиденными, так как никто не нуждался в их присутствии. Проходя мимо них, Бринд неизменно замечал, как они вздрагивают, затаивают дыхание, выпрямляют спину. Возможно, его появление пугало их потому, что сам он чувствовал себя в присутствии императора легко и свободно. С годами между ними установились столь доверительные отношения, что Джохинн, казалось, не верит больше никому, кроме альбиноса. Да и то лишь потому, что, как намекнул однажды сам император, у Бринда такой вид, будто ему самому есть что скрывать.

– Перебиты все до последнего солдата, мой император. Все, кроме тех, кто сейчас стоит перед вами.

– Так это значит?... – Джохинн сложил ладони домиком.

– Огненного зерна больше не будет, ваше величество, единственным ресурсом остаются дрова. – Бринд и Апий стояли перед императором навтыжку, но Фаиру позволили сидеть – редкая честь в присутствии главы государства.

– Это значит, командующий?...

– Следовательно, наши ресурсы теплоносителей под вопросом, – продолжал Бринд. – Однако не надо упускать из виду тот факт, что половина вашей личной гвардии уничтожена.

– Нет тепла, нет тепла... – стонал Джохинн, твердя свою разрушительную мантру.

Бринд бросил взгляд на капитана. Тот едва заметно пожал плечами.

Джамур Джохинн подошел к окну:

– И как... как же я согрею жителей моего города – моей империи?

«Да тебе плевать на всех в этой империи, если они не аристократы и не землевладельцы», – подумал Бринд.

– Как я позабочусь о них теперь, когда обе луны заняли свое место? Все зависят от меня, командующий Латрея. Все нуждаются во мне.

– Возможно, мы обойдемся и без...

– Не смешите меня, – перебил его Джохинн. – Эта неудача все усугубляет. Теперь они взбунтуются и убьют меня, ведь так?

– Кто? – спросил Бринд.

Джохинн снова повернулся к нему лицом:

– *Они*. – Он кивком показал на окно и город за ним. – Мой народ.

– Но ведь вы не виноваты в том, что начинается Оледенение. Его наступление предсказали еще сотни лет назад, просто вы – тот император, которому выпало править в это время. Всегда есть дрова...

– Но ведь я должен заботиться о них. А это означает четыреста тысяч обязанностей. Ты даже не представляешь, что это такое.

– Они знают, что вы стараетесь заботиться о них, – настаивал Бринд. – Ваша императорская семья всегда пользовалась любовью подданных.

– Те, кто уже живет здесь, может, и знают. Но любой идиот, прибыв сюда из неведомо каких закоулков империи и обнаружив, что ему не дают войти, ничего не понимает. Они-то вряд ли будут меня любить, а?

У Джохинна задрожал голос. Он снова повернулся к окну, его пальцы начали выбивать дробь на подоконнике. В каждом его движении чувствовалась нарастающая паника.

– Но ведь я их спаситель, о да! – продолжал Джохинн. – Это мое право, перед Дауниром и перед движением Бора и Астрид. *Я их спаситель*.

– Мой император, возможно, сейчас не самое удачное время для вопросов, но кто еще был в курсе нашей миссии?

– Какой миссии?

– Той, с исполнения которой мы только что вернулись, – терпеливо отвечал Бринд, глянув на Апия, который поднял брови, потряс головой и одними губами произнес: «Псих».

– Только некоторые члены Совета – Гхуда, Болл и Мевун. И еще канцлер Уртика. Только они четверо, и все. Больше никто. Нет, совсем никто.

– Возможно ли, чтобы один из них сообщил об этом врагу? Возможно ли, чтобы кто-то из них не хотел, чтобы мы выполнили задание?

Джохинн стремительно повернулся и подошел к Бринду:

– Ты хочешь сказать, что предатель уже ходит по нашим залам? Ради Бора, что дальше? Ты уверен, командующий Латрея, что твои обвинения обоснованны?

– Гвардия практически уничтожена. Вы говорите, что никто за пределами Совета не знал о нашей миссии, и все же на нас устроили засаду. Сэр, я только хочу узнать, кто может угрожать империи.

– Ты хороший человек, командующий Латрея. Хороший человек. Вы все были хорошие ребята, вы, ночные гвардейцы. – Он подошел к Бринду почти вплотную и прошептал: – Я ведь могу доверять тебе, а?

Бринд вытянулся, слегка поклонился:

– Жизнью клянусь, ваше величество.

Джохинн склонился совсем близко, так что Бринда обдало запахом алкоголя, точно дешевых духов:

– Все кончено.

– Я не совсем вас понимаю.

– Я все сильнее подозреваю, что кто-то здесь охотится на меня. Может быть, даже все. Они хотят отнять у меня жизнь, лишит меня существования. Им нужно это. – Джохинн показал на зал, мебель. – Они хотят получить все это еще до того, как придут холода. Я слышал, как они шепчутся в своих палатах, принимают решения за меня. Делают за меня мою работу.

– Мой повелитель, – возразил Бринд, – они же ваш Совет. Это именно то, что они должны делать. Никто вас не преследует.

Подумав над своими словами, Бринд решил, что он не во всем прав. Интриги плетутся всегда. Власть есть власть, в конце концов.

Джамур Джохинн отступил на шаг от Бринда и оглядел его с ног до головы, словно хотел одним взглядом оценить его личные качества. Ребячество. Бринду опять стало неловко. Джохинн открыл было рот, но тут распахнулась дверь.

В комнату вошла дочь императора, и дышать сразу стало легче.

Когда он только поступил в Ночную Гвардию, он видел ее здесь еще совсем юной, и ему всегда казалось, что она в плену в этом дворце, как бабочка, попавшая в сеть. Она была утонченной и энергичной, но ей не хватало сдержанности. Серьезные разговоры прерывались девчачьими вопросами, которые принцесса задавала старшей сестре Рике, наследнице престола, а от их радостных воплей в коридорах становилось будто теплее. Но те дни давно прошли, кончились раз и навсегда, когда была убита их мать. Джохинн пытался заменить родительскую любовь подарками и потаканием, но девочка в них, похоже, не нуждалась, хотя на ее характер они все же повлияли.

Эйр были присущи несомненная природная грация и характерные манеры. Черноволосая, коротко стриженная, не по годам рослая, она небрежно относилась к одежде и носила все подряд, не заботясь об эпохе и стиле и о том, как разные предметы туалета сочетаются друг с другом. У нее были выразительные глаза, брови как две тонкие линии, а чертам лица не хватало симметрии с точки зрения принятых в Виллджамуре представлений о красоте. Ей нравилось быть ни на кого не похожей. Несмотря на свою необычную внешность, девушка не знала недостатка в ухажерах, и, возможно, отец уже решил, с кем она будет помолвлена. Может быть, именно поэтому она грубила всем парням, с которыми ей случалось разговаривать. При всех преимуществах жизни во дворце Бринд догадывался, что быть женщиной в Виллджамуре трудно.

– Прости, что беспокою вас, отец, но даунир хочет поговорить с командующим.

Император уставился на нее, словно не узнавая.

– Мы как раз обсуждали, чего мог бы хотеть наш даунир... – вмешался Бринд.

– Новый заговор против меня, не иначе, – проворчал Джохинн.

– Можем ли мы пригласить его сейчас, мой император, если с нашим делом уже покончено?

– Да-да. Почему нет? – Он сделал Бринду знак уходить, а сам шагнул к окну. На этот раз он распахнул его, наполнив ледяным воздухом зал, шагнул назад, стиснул руки в кулаки и вдруг выбежал из комнаты, промчавшись мимо трех мужчин и своей дочери и громко хлопнув дверью.

– Здравствуйте, командующий, – сказала Эйр.

С солдатами Ночной Гвардии она всегда была на короткой ноге, отчасти из-за того, что ее детство прошло фактически у них на глазах.

– Леди Эйр, боюсь, ваш отец напился.

– И я что, по-вашему, виновата? – Гнев на ее лице уступил место разочарованию.

Бринд знал, что она всеми доступными ей средствами старается удержать отца от выпивки: прячет полупустые бутылки, как только он заснет, укоризненно глядит на него своими большими зелеными глазами всякий раз, как он возьмется за стакан. Сейчас она смотрела в стену напротив, точно ища в ней утешения, но для этого там было слишком много зеркал.

– Я не хотел показаться грубым, но под началом вашего отца находятся города и острова. В этом городе и без того слишком час-то принимаются неправильные решения, чтобы его правитель мог позволять себе пить.

– Знаю-знаю, – сказала Эйр. Говорила она уверенно, хотя и не совсем естественно, как будто что-то доказывала себе. – Ладно, а с вами-то что случилось?

– Нас подстерегли и перебили. Те, кого вы видите здесь, уцелели... там, куда нас послали.

– Огненное зерно? – уточнила Эйр. – С кем вы сражались?

Бринд не поверил своим ушам:

– Даже вам все известно. Да есть ли хоть что-нибудь святое в этих стенах?

– Мне жаль, – сказала Эйр. – Фаир, с тобой все будет в порядке? – И она ласково положила руку ему на плечо – многие мужчины обзавидовались бы, глядя на это.

– Достаточно сказать, – Фаир поерзал в кресле, – что дни моей военной службы кончены, Джамур Эйр.

– Бабы разговоры, – фыркнул Апий. И тут же добавил, обращаясь к Эйр: – Не сочтите за оскорбление.

– Не сочла.

– Оглянуться не успеем, как он уже будет бегать, – продолжал Апий. – Привяжем ему к ноге подходящую деревяшку, по-садим на коня и отправим на учения...

Бринд жестом велел капитану заткнуться.

Снаружи доносился какой-то шум.

Он подбежал к окну.

Проклятие!

Внизу, под морозящим дождем, разыгрывалась сцена.

Император Джамур Джохинн, пятясь, приближался к внешнему краю балкона, как будто был окружен загонщиками. В душе он, должно быть, ощущал себя в таком положении уже давно.

Несколько стражников нерешительно следовали за ним, явно не зная, что делать. Потопись они, он может воспринять это как угрозу. Замешкайся, того гляди не успеют.

Бринд выскочил из комнаты, спеша на помощь.

– Разойдись! – кричал он, прокладывая себе путь через быстро растущую толпу.

С каменной платформы дворца весь город был как на ладони: шпили, мосты, крутые склоны холмов вдали и даже море, замыкавшее собою панораму. Лишь небольшой гранитный парапет отделял обзорную площадку от крутого обрыва. Слуги и дворцовые чиновники сбежались, чтобы стать свидетелями разворачивающейся драмы, пришли даже некоторые советники. Император стоял все там же, обратив лицо к небу, словно просто вышел помолиться. Хотя, быть может, он и молился – в такие моменты чужая душа тем более потемки. Бринд знал только одно: он должен удержать императора от ошибки, должен уговорить его вернуться в зал живым и невредимым. Когда наступят холода, Джохинн будет необходим своему народу как символ единства нации. Люди нуждались в нем, в его поддержке, как

всегда во время кризиса, когда очень хочется услышать от кого-то, что все будет хорошо, хотя и сам знаешь, что ничего хорошего уже не предвидится.

Людам нужно, чтобы кто-то ясно и четко врал им.

– Мой император, что вы делаете? – окликнул его Бринд, чувствуя, как ледяная морось хлещет его по щекам.

– Так проще, – сказал Джохинн. – Как я уже говорил, все кончено.

Двигался он неуклюже, словно человек, который слишком много выпил. Переступив с ноги на ногу, он шагнул ближе к низкому парапету.

– Я не подготовил торжественной речи, командующий, – проговорил он. – Мне нечего сказать в конце.

– Пожалуйста, отойдите от края, – упрасивал Бринд. – По-думайте о том, что вы делаете.

– Будь оно все проклято, командующий Латрея, да я только и делаю, что думаю. Думаю и думаю обо всем подряд. Все время думаю.

– Но вы нужны народу Виллджамура, – взмолился Бринд. – Вы же сами говорили. Вы нужны им!

– Отец! – на сцену с криком выбежала Эйр.

То ли император поскользнулся, то ли и вправду намеревался сделать этот шаг, Бринд уже никогда не узнает, но в тот миг Джохинн свалился со стены и полетел вниз, и все увидели, как развевается на ветру его мантия.

Толпа ахнула...

Качнулась вперед, не веря.

Бринду пришлось схватить и прижать к себе Эйр, она кричала, уткнувшись лицом ему в грудь.

Миг спустя все слышали скорбный вопль банши.

Глава пятая

Мне нужна комната на одну ночь, пожалуйста, – сказал Рандур.

– Комната?

– Да, комната. На ночь. – Похлопав длинными ресницами, он отбросил со лба прядь пушистых волос, чтобы лучше рассмотреть хозяйку гостиницы, но она не отрывала глаз от журнала регистрации.

– Одну ночь...

Судя по возрасту, она вполне могла быть его матерью – могла, но не была, и этого ему было достаточно. Видно, в юности она была красоткой – ее выдавали глаза, даже не их особый блеск, а некое выражение, которое наводило смотрящего на самые необузданные мысли. Коротко стриженные темные волосы, хорошая кожа, приличная фигура: не слишком много, но и не так мало. Хотя, вообще-то, ему было все равно: он получал удовольствие от женщин любой комплекции. И возраста тоже. Незастегнутая верхняя пуговка белой блузки открывала ложбинку между грудями – общее место, конечно, но женщина, очевидно, пользовалась всем, что имела. И без стеснения. Он убедился, что она заметила его взгляд. И улыбнулся, сверкая зубами и глазами, как бы намекая женщине, что есть вещи, которых она о себе еще не знает.

– Вообще-то, у нас сейчас как раз все занято, но я посмотрю, что можно сделать. – Она отвернулась, унося на лице выражение, которое, как он надеялся, значило у нее улыбку, и отошла от стойки.

Ее людное, но чистое заведение находилось на втором уровне Виллджамура. Мебель везде была деревянная, натертые до блеска столы сияли, повсюду висели и стояли украшения на лошадиную тематику: подковы, скребницы, напильники, другие кузнечные инструменты, верхние полки занимали сапоги для верховой езды. Рандур решил, что хозяйка без ума либо от лошадей, либо от их наездников. В одном углу он заметил хлыст.

Есть над чем подумать.

Потягивая яблочный сок, Рандур оглядывался. Ему хотелось послушать разговоры, понять, о чем говорят в Виллджамуре, может быть, уловить дух города. Тому, кто хочет силой своего очарования проложить себе путь вверх по социальной лестнице, надо хорошо представлять себе главные заботы и тревоги окружающих. Только так можно чему-нибудь научиться, ведь каким бы ни представал город на страницах книг по истории, именно населяющие его простые люди определяют в конечном итоге глубину и характер места, формируют представление о нем у приезжих, влияют на их опыт пребывания в нем.

– ...Не исключено, что мы никогда уже не увидим Геда, – рассказывала женщина средних лет подруге. – А Денду хочет бросить работу, лишь бы остаться в городе. Что мы будем делать, ума не приложу...

– ...А нам так повезло! Я ведь уж десять лет свою дочку не видела. А теперь, поскольку ближе меня у нее никого нет, она может приехать в город и жить со мной здесь. И ее сожитель тоже...

Нарядно одетый мужчина за ближайшим столом поднял голову, когда к нему приблизилась дама примерно одних с ним лет и спросила:

– Здесь занято?

Он покачал головой, встал, когда она садилась, а потом, опускаясь на свое место, заметил что-то насчет погоды. Рандур даже удивился: очень немногие из мужчин одного с ним возраста проявляли такую вежливость. По крайней мере, в городе. Может быть, люди помоложе чего-то боялись, чувствовали себя незащищенными. А может, все дело в том, что, достигая «определенного возраста», люди вообще начинали чувствовать себя уходящей

натурой и предпочитали держаться вместе. Так или иначе, а наблюдать такую вежливость в любом случае было приятно.

Завязался обычный разговор об Оледенении, о том, как продолжает падать температура. О погоде говорили все, но ему удалось подслушать и сплетни с внешних островов империи. И разговоры о культистах, которые нынче ведут себя странно...

Последнее заявление привлекло его особое внимание.

– Ни к чему тебе рядом с ними ошиваться. От культистов не жди ничего хорошего.

– Но из той штуки, которую он держал в руках, сыпались фиолетовые искры, говорю тебе, – отвечал смугловатый паренек кому-то, кого Рандур принял за его отца. Сходство им придавали носы, длинные и острые, словно птичьи клювы. – И вообще, это было далеко от их храмов.

– Все равно держись от них подальше, – твердил человек постарше. – Я-то никогда не доверял ни им, ни их проклятым реликвиям. По-моему, вся эта магия – чушь, да и только.

Вернулась хозяйка:

– Тебе повезло. У нас есть комната. Она прямо рядом с моей, так что постарайся не разбудить меня ночью.

Рандур наклонился к ней и прошептал:

– Если вы пообещаете не будить меня.

– Вы, юные провинциалы... – сказала она и взмахнула рукой, подавляя усмешку, – все вы одинаковые. Пойдем, бери свои сумки, я покажу дорогу. Как тебя зовут?

– Рандур Эстеву. – Он поспешил за ней. – А вы, как я погляжу, не прочь покататься?

Простая комната – кровать, стол и стул. На стенах – поддельные образцы островного искусства. Окно выходило на задний двор, что Рандура вполне устраивало, так как ему не улыбалось с раннего утра слушать крики и топот торговцев, спешащих на рынок.

Он не стал распаковывать вещи, ему доставляла почти извращенное наслаждение мысль о том, что вся его жизнь уместится в двух небольших сумках. В этом заключалась свобода, которой он не знал раньше. В любой момент он мог встать и пойти куда пожелает. Более того, та жизнь, которую он теперь ведет, принадлежит не ему, а кому-то другому. И он проживает ее рискованно.

Пообедав рыбой с овощами, он отправился бродить по городу, просто так, чтобы подышать воздухом Виллджамура. На улицах былолюдно, и люди казались печальными. Ничего удивительного, раз им предстоит провести практически в заточении много лет ради того, чтобы пережить холода. Одни семьи разлучались, другие, наоборот, воссоединялись, многие теряли работу, все говорили о Кейвсайде, где большинству, скорее всего, предстояло окататься. Но о культистах говорили немногие.

Придется кого-нибудь спросить.

– Прошу прощения, мадам, – обратился он к пожилой женщине с корзинкой рыбы. – Я ищу культиста.

Внезапно разозлившись, она плюнула в него и пошла прочь. Еще пару раз нарвавшись на подобные ответы, он понял, что культисты не слишком популярны, но в конце концов ему помогла маленькая девочка.

– Они все на уровне неподалеку от Балмакары. Спросите там.

Рандур улыбнулся маленькой замарашке и дал ей пару дракаров, решив, что она, скорее всего, найдет им лучшее применение, чем он сам.

И пошел.

Черноперый гаруда с обрезанными крыльями скорчился в проеме какой-то двери, нервно посасывая самокрутку из корня арума, его колени прикрывала какая-то тряпка, у ног лежала шляпа с табличкой, на которой была нацарапана просьба о помощи отставному сол-

дату. Проходя мимо, Рандур бросил и ему пару монеток, и благодарный птичечеловек изобразил какие-то знаки, которых юноша не мог разобрать.

– Да ладно, все в порядке, – пробормотал он, дивясь, что такое бывает с теми, кто идет служить империи.

На следующем углу из подворотни ему навстречу вышли двое мужчин. Они были в коричневых туниках, тяжелых сапогах, без плащей и выглядели потрепанными, как будто спали на улице. На вид обоим было лет по тридцать, хотя кто знает?

– Чего уставился? – рыкнул один.

– Извините, – пробормотал Рандур.

– Постой-ка, красавчик. Рубашечка у тебя славная. Дорогая, поди?

Рандур вдруг застеснялся своего костюма: хорошо пошитых черных штанов, белой рубашки с традиционными фолкскими разрезами, тонкого плаща поверх. Неужели людей в этом городе и впрямь раздражают хорошо одетые мужчины?

– Судя по твоему акценту, ты не местный, – сказал, приближаясь, другой. – Значит, никто и не заметит, если ты исчезнешь, ведь так?

– Вот именно. Исчезнешь, – эхом отозвался первый. – Здесь такое часто случается.

Рандур заметил лезвие ножа, сверкнувшее в рукаве.

– В чем дело? – Он шагнул назад.

– В деньгах, – заявил один.

– А-а, ну тут я вам ничем помочь не могу.

На улице не было никого, кроме них троих; в последние минуты шелест мелкой мороси по крышам усилился. Судя по всему, дело шло к драке.

– Чтобы у такого франта, как ты, да не завалилась пара монет, быть не может, – добавил другой. – Лордила или сотб с нас хватит.

– А я думал, он немой, твой товарищ, – сказал Рандур.

– Я тебя предупредил! – ощерился тот, обтирая влагу с лица.

На свет явились короткие ножи, тускло поблескивая под дождем.

– У меня и правда ничего нет. – Рандур скинул плащ и сунул его под мышку.

Первый бандит сделал выпад, его нож рассек воздух в районе диафрагмы Рандура. Юноша сделал пируэт, уклонился от удара и несколькими танцующими шагами ушел в сторону. Потом еще двумя в другую. Танец, приспособленный для дуэли.

– Поди сюда, ты, ублюдок! – взревел нападающий, вновь и вновь яростно рассекая ножом воздух. Каждый раз, когда Рандур уворачивался из-под самого его лезвия, он раздраженно хрюкал.

Дразнить их было весело. Пусть позлятся, побесятся. Они разделились и пошли на него с двух сторон. Когда они одновременно бросились на него, он присел, подсек одного под колени и с удовольствием отметил, как тот грохнулся, прежде чем увернуться от второго и ловко вскочить на ноги.

– Слушайте, – обратился к ним Рандур, обтирая о штаны мокрые руки, – не будем продолжать – так вы сможете сохранить остатки достоинства.

– Козел! – завопил один и бросился на него снова. Лезвие его ножа коснулось костяшек пальцев Рандура, из пореза выступила кровь.

Сделав шаг назад, Рандур ногой выбил нож у противника из рук и тут же наподдал ему в пах. От боли тот свалился на землю. Второй уже изготавился атаковать, но Рандур, ловко пригнувшись, схватил его за руку, державшую нож, сильно повернул и резко опустил ее себе на колено. Хрустнула кость, негодяй завопил от боли.

Рандур забрал у него нож.

Тем временем морось перешла в мелкий дождь, а затем в ливень, забарабанивший по булыжникам мостовой. Рандур совсем промок, черные волосы облепили голову и шею,

рубашка прилипла к стройному телу, плащ отяжелел от воды. Поглядев на него с сомнением, Рандур наклонился, оторвал кусок от туники одного из бандитов и перевязал саднящие костяшки.

Бандиты лежали смиренно, не оказывая никакого сопротивления.

Он зашагал прочь, поднимая на ходу воротник плаща.

Нижние уровни Виллджамура походили один на другой, но чем выше, тем стройнее, уже и элегантнее становились фасады. И светлее – здесь строили больше из известняка, чем из гранита. И люди здесь жили богатые – по крайней мере, одевались они богаче, чем внизу.

Нарядный мужчина в красном плаще прошел мимо.

– Извините, – обратился к нему Рандур, – вы не могли бы мне сказать, где здесь можно найти культиста?

Человек смерил его холодным взглядом, но отвечал вежливо:

– Здесь есть бистро, выше по улице, как раз у одного из храмов. Они имеют обыкновение там напиваться, так что одного-двух вы точно застанете.

Рандур отыскал бистро: узкое беленое здание, слегка накренившееся вправо, будто пьяное. Он приткнулся к грубовато прорубленному окну, но стекло сильно запотело, и ничего нельзя было разглядеть.

Войдя, Рандур обнаружил, что внутри яблоку негде упасть и что посетители почти сплошь мужчины. На спинках стульев сохли плащи, в баре в глубине заведения продавали выпечку, в воздухе тонко пахло духами единственной в зале женщины, которая сидела за столиком у двери. Он подошел к прилавку. За ним стояла девушка – маленькая хорошенькая блондинка, вполне достойная мишень, не будь у него на уме другое. Он заказал напиток из ягод можжевельника, как делали у них на Фолке.

– Спасибо, – сказал он, принимая из рук девушки стакан. – Красивые у тебя волосы.

– Правда? – изумилась она, и ее глаза стали круглыми, как тарелки.

– Потрясающие. – Убедившись, что ее внимание завоевано, он облокотился о прилавок, устремил на нее рассеянный взгляд и продолжил: – Скажите, мисс, вы ведь знаете местных культистов или нет? Я в городе недавно, и для меня это важно.

– Здесь есть двое, вон они, у окна. Еще один прямо здесь. И вон там один. – Она по очереди показала на каждого из них пальцем. – Но, честно вам скажу, держитесь от них подальше.

– Спасибо. – Он заплатил ей лордил за выпивку. – Сдачи не надо.

Он стал внимательно разглядывать тех, на кого она ему показала. Тот, что сидел рядом с прилавком, был строен, черная остроконечная борода подчеркивала изящество черт. Рандур шагнул к его столу:

– У вас занято?

Человек продолжал смотреть в свою тарелку:

– Раз здесь никто не сидит, то, надо полагать, нет.

Рандур сел, сделал глоток из своего стакана. Под черной рубашкой человека напротив посверкивал небольшой медальон. На нем был изображен странный символ: повернутые в разные стороны две буквы «С», а между ними алмаз.

– Девушка за прилавком сказала, что вы культист, – начал Рандур.

Человек посмотрел на него:

– А вам что за дело?

Рандур сунул руку в карман и вытащил ту самую монету, которую много лет назад получил на Фолке. Положил ее рядом с тарелкой собеседника. Тот сразу перестал есть. Рандур спокойно продолжал пить.

Культист бросил на него пронизательный взгляд:

- Где же это паренек с островов заполучил такую монету?
- Ее дала мне однажды одна из ваших, – объяснил Рандур. – Сказала, что ее зовут Папус.
- Ну, она точно не из моих, как ты выразился, – решительно заявил его собеседник. Что-то в его тоне позволяло предположить, что культисты не все одного поля ягода, как принято было думать.
- Так вы, значит, не культист? – продолжал расспрашивать Рандур.
- Я культист, но она не из моей секты. – Он отправил в рот еще кусок еды.
- Понятно. – Рандур протянул руку за монетой.
- Культист заметил его свежий порез:
- Побывали в потасовке?
- Предпочел бы обойтись без нее, – буркнул Рандур, пряча руку.
- Молодому человеку из провинции следует быть осмотрительнее в городе, – заявил культист.
- Я могу за себя постоять.
- Так все говорят. Только никому не удастся. Как вас зовут, юноша?
- Рандур Эстеву.
- Вот что, Рандур Эстеву, я вам помогу, причем бесплатно. – Культист встал из-за стола. – В конце этой улицы есть храм с двойными дубовыми дверями. Постучите в них как следует и покажите свою монетку, может быть, вам и повезет.
- Рандур встал и протянул ему руку:
- Спасибо, э-м... Простите, не запомнил вашего имени.
- Это потому, что я вам его не называл. – Культист набросил плащ и вышел из бистро.

Последний клиент Туи не пришел, так что у нее был целый свободный час, и она села рисовать. Вдохновленная новым настроением города, она начала все сначала. Ей хотелось создать что-нибудь фантастичное, что говорило бы о жителях города, запертых, словно птицы в клетках, в своих домах. Возможно, это и будет птица в клетке.

На женщине не было никакой одежды, ведь если она прольет краску, то одежда не испачкается, а смыть ее с кожи – дело пары минут. С той же целью она убрала наверх свои рыжие волосы. Сев на табурет, она повернула мольберт так, чтобы смотреть в окно, на город, на его шпили, мостики, на птеродетт, парящих в небе. С крыш летели брызги воды, на башне вдруг зазвонил колокол. Тую наполняло ощущение безмятежности – фрагменты города согласовывались между собой так легко, точно вступили в тайный заговор, и от этого она чувствовала себя спокойно.

Мастихином и широкой кистью она нанесла на маленький холст голубую пасту. Эту краску она приготовила сама. Из местных пигментов, к которым добавила ингредиент, известный лишь ей, – по крайней мере здесь, в Виллджамуре. Его секрет выдал ей перед смертью один культист – он ходил к ней как клиент, когда ему хотелось чего-нибудь *нормального*. Субстанция была темной и зернистой, и тот колдун подробно объяснил ей все ее свойства, ведь она была такой же редкостью, как все реликвии в руках культистов, и восходила, быть может, к самым даунирам. Так, по крайней мере, гласил миф. А в Виллджамуре из мифов можно было узнать многое, в том числе и совсем ненужное.

Время от времени она закрывала глаза и наслаждалась прикосновениями прохладного ветерка к коже, потом, встрепенувшись, возвращалась к работе. Сосредоточившись, она заставила себя не думать о том, что делала, чтобы взглянуть на процесс иначе. Вся жизнь – вопрос точки зрения, а для нее важнее всего было искусство. Возможно, те люди, что шли сейчас мимо ее окон, и те, кто приходил к ней за сексуальными услугами, не согласились бы

с ней, но для нее возможность выразить себя при помощи красок и кистей была настоящим чудом.

Создание, которое она вообразила, начало обретать форму.

Оно походило на птеродетту – та же чешуя, те же кожистые крылья, – но с телом млекопитающего. Синим оно было лишь потому, что именно этот пигмент Туя выбрала сегодня. Ростом оно было не выше ребенка, но создательница снабдила его такой мощной мускулатурой, что оно при желании могло бы легко вышибить дверь.

Лишь когда вновь пробил колокол, она удовлетворилась проделанной работой. Рисунок, конечно, не был полностью закончен, но со временем он обретет должную форму.

Поднявшись с табурета, она подошла к окну. Астрономическая стеклянная башня ослепительно блестела на солнце.

Повернувшись к окну спиной и чувствуя сквозняк, она снова посмотрела на рисунок. Он определенно оживал. Синяя тварь прямо-таки пульсировала жизнью, как будто набиравала настоящий воздух в свои чудные легкие. Тогда художница всерьез принялась за фон, источник жизни создания, наполняя его абстракциями идей, которые будут питать его душу. Могучие желания закружились в ее душе: потребность лететь прочь, исследовать Бореальский архипелаг, эту землю под красным солнцем. Может быть, познать наконец хоть какую-то свободу.

Внезапно тварь быстрыми пульсирующими движениями стала отклеиваться от холста. Вот она выпучилась вперед, встряхнулась...

И упала на пол.

Смеясь и воркуя, точно мать над младенцем, Туя подняла свое создание на руки и посадила на подоконник. Оно сначала поползло, потом встало на ноги как положено. Развернуло крылья. Туя вскрикнула от восторга. Она не знала, как это у нее получается, и, честно говоря, не очень-то об этом заботилась, ведь ее искусство не отражало жизнь – оно ее создавало.

Похлопав своими новенькими крыльями, тварь оттолкнулась от подоконника и полетела. Порыв ветра подхватил ее и понес между шпилями Виллджамура прочь, и художница опять осталась с тем же чувством одиночества.

Рандур не сразу отыскал дверь, неприметную на неприметной улице. Судя по ее виду, никак нельзя было сказать, что за ней скрываются служители культа. Он не удивился бы, если бы белую каменную стену вокруг двери испещряли тайные письмена или другие замысловатые украшения – что угодно, отвечающее избранности ордена Даунира, старейшей и крупнейшей из всех сект. Ну хотя бы табличку симпатичную. Но стена вокруг двери была простая, белая, а из украшений – лишь подвесная корзинка с армерией, чьи стебли качались на ветру. Проезжавший мимо стражник верхом на лошади бросил на Рандура такой взгляд, что юноша почему-то тут же почувствовал себя виноватым.

Он постучал в дверь.

Окошко в двери отворилось, в проеме появилось мужское лицо.

– Да?

Рандур показал монету:

– Я ищу кое-кого по имени Папус.

Взгляд привратника был прикован к монете.

– Подожди.

Дверь распахнулась, привратник сделал ему знак войти. На нем был черный плащ, под которым Рандур разглядел темную, плотно прилегающую форму, очень похожую на военную.

– Жди здесь, – распорядился мужчина и ушел.

В комнате было темно, но Рандур разглядел резные деревянные панели, а над ними несколько карандашных рисунков в рамках. Запах благовоний создавал в комнате на удивление уютную атмосферу. Почти как в храме Бора, построенном на Фолке именем империи.

Мужчина вскоре вернулся в сопровождении невысокой белокурой женщины в такой же форме. Вместе они обыскали Рандура на предмет оружия, потом посадили его на деревянный табурет.

Спросили, что за дело у него в Виллджамуре. И зачем ему нужна Папус.

Он снова показал свою монету и объяснил, как она ему досталась. Мужчина и женщина переглянулись.

– Она сейчас занята, но, если ты подождешь здесь, мы спросим у нее, сможет ли она тебя принять, – сказала женщина.

И они оставили его ежиться на табурете в холодной и темной комнате. Когда его глаза привыкли к недостатку света, он начал разглядывать рисунки. Это были схематические изображения устройств, которые он считал реликвиями, каждое в окружении незнакомых букв. Он читал по-джамурски хуже, чем говорил, но ему сразу стало ясно, что это какая-то древняя форма языка.

Он ждал почти целый час, когда его наконец примут.

Рандура провели в большой каменный зал, служивший, видимо, кабинетом, если судить по книгам и бумагам, которые занимали в нем не только полки, но и пол, словно их не убирали годами. Ему велели пройти к стрельчатому окну и сесть там на стул, и он на цыпочках пробирался между завалами, чтобы не потревожить бумаги. Похоже, здесь работала Папус. Те двое, что привели его сюда, называли ее каким-то чудным титулом: гиджа ордена Даунира. Это уж чересчур, пожалуй...

Когда его оставили у окна в одиночестве, странное голубое создание привлекло его взгляд. Оно свалилось с одного из балконов верхнего уровня, скрылось из виду, неуклюже описывая круг, потом снова появилось и полетело, заваливаясь набок.

В старинной комнате пахло плесенью, каменная кладка стен тут и там крошилась. Он знал, что город стар, но никогда не думал, что еще существуют дома вроде этого. Со всех сторон его окружали полки с книгами, книги лежали на полу. Многие с сорванными корешками, слипшимися страницами, из других страницы, наоборот, торчали в разные стороны, показывая какие-то диаграммы и графики. Среди книг попадались инструменты, странные куски гнутого металла, насекомые, похожие на механизмы точных, совершенных форм.

Созерцание этого скопления мудрости вызвало в нем ощущение недостаточности собственного образования. В своем уме он не сомневался, но здесь было другое, упорядоченное знание: древние языки, история, названия редких растений и животных, тогда как его познания не шли дальше мечей, женщин и танцев. Но нет, он все же сообразителен, и не все ответы находятся в книгах – некоторые имеются и в реальном мире.

Дверь распахнулась, и вошла женщина, одетая так же, как двое его недавних провожатых. Волосы у нее оказались темнее, чем он запомнил, а сама она – стройнее.

– Кто хочет говорить со мной? – Голос у нее был низкий, синие глаза сверкали.

Рандур подошел к ней, вынул монету.

Она взяла ее, рассмотрела:

– Да, я помню. Фолк, тысяча семьсот пятьдесят седьмой. Ты тот мальчик, который меня спас. – Она вернула ему монету и, кажется, улыбнулась. Строгие линии на ее лице показывали, что это случается редко. – Ты вырос, я вижу.

– Это бывает, – пробурчал Рандур, пряча монету в карман. – Вы тогда сказали, что, если мне понадобится услуга, я могу прийти и разыскать вас.

– Значит, добрался ты благополучно. – Папус отошла к столу и начала перебирать какие-то бумаги. – Ну, так о чем же ты хочешь попросить?

– Мне нужен такой культист, который может предотвратить смерть человека или вернуть его из мертвых.

Не сводя с него серьезного взгляда, она положила на стол бумаги, которые держала в руках, и сделала к нему шаг.

– Я спас вам жизнь, – смущенно напомнил Рандур. Ему вдруг показалось, что нелишне будет напомнить об этом.

– Да, верно, но то, о чем ты просишь, невероятно трудно, ты понимаешь это? В смысле, зачем тебе жить вечно?

– Это не мне. Я для матери.

– А, понятно. – Папус присела на край стола. – Подождешь здесь еще минутку?

– Я уже привык ждать.

Папус сунула под плащ правую руку...

...и растворилась во вспышке фиолетового света.

Рандур подпрыгнул как ошпаренный и шагнул к столу. Оглядел лежавшие на нем книги и бумаги так, словно надеялся прочесть в них ответ. «Провалиться мне на этом месте, как она это делает?»

Рандур сидел у окна на стуле, пытаясь вникнуть в суть книги, которая явно была ему не по зубам. Но он решил, что диаграммы в ней нравятся ему чисто эстетически.

Дверь отворилась. Вошла Папус.

– Как я погляжу, вы все же решили воспользоваться дверью?

– Слушай, – заговорила она, – я действительно в большом долгу перед тобой, и я поговорила о том, чего ты просишь, с моими коллегами здесь, но, к моему большому сожалению, никто из нас не умеет этого делать.

Может быть, он наивен, но происходящее начинало раздражать его.

– Колдуны вы или нет?

– Нет, – коротко ответила она.

– Нет?

– Нет, мы больше чем колдуны. Мы не просто пользуемся магией. Тут целое искусство. Мы тратим годы на изучение тончайших нюансов наших технологий.

Ее интонация стала заученной, как отрепетированная речь.

– Вы же обещали. Что вы можете мне предложить?

– Ну, я хочу направить тебя в другую секту. Но при этом ты должен понять, что при обычных обстоятельствах мы не имеем с ними равным счетом ничего общего. Обратившись к ним, ты не подвергнешься никакой особой опасности, но все же будь осторожен. И помни, что я посылаю тебя к ним, лишь памятуя об услуге, которую ты оказал мне много лет назад. Иначе я этого не сделала бы.

– Звучит крайне сомнительно, – заметил Рандур. – Мне не нравится, к чему идет дело.

– Скажем просто: сейчас все ордена переживают не лучшее время. И отношения между нами натянуты.

– Как я понял, вы и эта другая группа недолюбливаете друг друга.

– Мягко говоря. – Папус засмеялась. – И все же сейчас я передаю тебя именно им, таков мой ответ на твою услугу. Не думаю, что ты когда-нибудь поймешь, чего мне это стоило. – Она помолчала, потом добавила: – Мы и они думаем совершенно по-разному.

– Это как? – спросил Рандур, отметив взволнованное выражение ее лица.

– Они – орден Равноденствия, как они себя называют, – любят... разбирать мир на части. А мы предпочитаем собирать его снова. Проще я объяснить не могу.

– Объясните сложнее, – попросил Рандур. – Мне любопытно.

– Они хотят разобрать мир на составляющие, чтобы узнать все его секреты. Понять, как все работает, и ради этой цели они не позволяют таким вещам, как этика, вставать у себя на пути. Они беспощадные, жестокие разрушители. В отличие от них я люблю объединять, сохранять порядок, соблюдая высокий уровень морали. Наш орден оказывает помощь Совету Виллджамура и самому императору, когда они в нас нуждаются. И тем не менее мне придется отвести тебя именно в орден Равноденствия, ибо только там ты сможешь обрести то, к чему стремишься.

– У каждой монеты две стороны. – Рандур снова зажал свой талисман в ладони. – Откуда мне знать, что вы просто не избавляетесь от меня по-легкому? – И он подкинул монету в воздух, так что она сверкнула на свету.

Она поймала ее на полуобороте и отдала ему.

– Идем, – сказала она. – Я сама отведу тебя к нему.

– К кому именно? – спросил Рандур, немного наклонив голову набок.

– К Дартуну Суру, – ответила Папус, устремляясь к выходу из комнаты. – Он – годхи ордена Равноденствия.

– Чушь какая-то, – бросил Рандур.

Она резко ответила:

– Ничего, скоро привыкнешь.

– Один вопрос, – сказал Рандур. – Что вы забрали тогда у человека, который пытался вас убить?

– Сейчас это не важно. Это было оружие, предназначенное для того, чтобы вредить людям, но ничего особенного, ничего такого, что могло бы перевернуть мир. Никаких откровений. Мы просто не хотели, чтобы он владел им. Как я уже говорила, Рандур, мы – те, кто руководствуется этикой и моралью. Мы стараемся поддерживать порядок, следить за тем, чтобы все оставалось как есть, ради блага империи.

Снова на улицы Виллджамура.

Вниз, по маршруту, о существовании которого он и не подозревал. Вдоль по тесным переулкам, через скрытые мосты. Многие в этом городе умерло, поблекло: заброшенные палаты и арки, свидетели других времен, которым нет больше места в настоящем. Пока они шли по коридорам, он слышал грохот тележных колес у себя над головой, а подняв голову, видел сквозь отверстия ливневой канализации прохожих. Здесь, внизу, была совсем иная кирпичная кладка, крошащийся камень во множестве покрывали лишайники и мхи, особенно расплотившиеся от постоянно капающей воды.

– Знаете, – заговорил Рандур, – те, кто правит этим городом, могли бы взять тех беженцев, что за воротами, и разместить их здесь. Конечно, тут будут трущобы, но зато они не умрут...

Она бросила на него презрительный взгляд, и он понял, что сейчас лучше заткнуться. Папус производила впечатление человека, которому многое известно, и умела осадить всякого, кто вздумал бы умничать при ней.

Наконец они оказались в подземных палатах, куда вела едва заметная дверь. Папус постучала, потом повернулась к нему:

– Только здесь тебе могут помочь.

Дверь отворилась. Лысый мужчина в сером плаще приветствовал их.

– Это он, – объяснила Папус привратнику, ее лицо выражало тревогу. Потом она быстро зашагала прочь, а Рандур уже во второй раз за этот день оказался в присутствии культиста.

– В общем, вы понимаете, что мне было обещано. – Рандур сидел за каменным столом, напротив человека по имени Дартун Сур, который развалился в кресле. – Вот почему мне сказали, что вы можете помочь.

В комнате восхитительно пахло, запах напоминал ему лосьон из трав, которым пользовалась одна его знакомая девушка. В остальном помещение оказалось довольно простым: ни благоговейно расставленных повсюду реликвий, ни флаконов со странными жидкостями, ни заспиртованных образцов, ни косматых безумцев с горящим взглядом в нем не наблюдалось.

Дартун подался вперед в своем обитом бархатом кресле. Оценивающий взгляд его лишенных возраста глаз внушал беспокойство. К тому же они слишком ярко сияли для такой сумрачной комнаты.

– Задача интригующая, должен сказать. Но выполняемая.

Между ними повисло неловкое молчание, во время которого Рандур изучал человека напротив. Дартун со своей решительной челюстью и умеренно мускулистым телом был раздражающе красив. Он даже ухитрился найти в этом городе солнце, которое придало здоровый оттенок его коже. Несмотря на седеющие волосы, выглядел он моложаво, и Рандур решил, что ему лет сорок, не больше, хотя мужчина и производил впечатление человека куда более зрелого.

– Красивый у вас плащ, – нарушил молчание Рандур, думая, что и сам недурно выглядел бы в нем, если немного подогнать по фигуре, конечно. – Очень темный. Что это за цвет?

– Фулиджин, – ответил Дартун. – Цвет темнее черного.

После новой паузы Рандур решил уточнить:

– Так как, вы сможете мне помочь?

– Конечно, – ответил Дартун, всем своим видом выражая удивление столь наивным вопросом. – На это наших талантов вполне хватит. Это одна из тех сфер, в которых я, скажем так, эксперт. Нет, я размышляю лишь о том, чем вы можете быть полезны нам, в свою очередь.

Рандур знал, что на помощь Папус рассчитывать больше не приходится, – она свела его с Дартуном, и на этом все. Договариваться с главным культистом придется самому.

– Вообще-то, я буду работать в доме императора. Может быть, это поможет?

– У старого Джохинна? – переспросил Дартун. – Что ж, это, конечно, интересно. И чем вы там будете заниматься?

– Всем помаленьку. – В голосе Рандура сквозил холодок. Встреча начинала его злить. Выждав момент, он задал неизбежный вопрос: – Какова будет цена?

– Ага! Вот это, Рандур Эстеву, уже дело!

– Я думал, что вы, культисты, и так можете получить все, что захотите. Да и к чему вам деньги?

– Мне нравится, что все думают, будто мы можем все, когда и как захотим. Понимаете ли, наши технологии довольно специфичны. Да и одними реликвиями сыт не будешь, хотя они, конечно, стоят кучу денег. Кроме того, я должен регулярно платить членам моего ордена, иначе они от меня разбегутся. Нет, деньги – вещь полезная. Я думаю, чтобы покрыть расходы на выполнение вашей задачи плюс еще время, которое это займет... Скажем, четыре сотни ямунов будет достаточно?

– Четыре сотни! – Рандур вскочил, потрясенный. Странно, что подобную просьбу вообще оценивают в деньгах. Так вот, значит, как делаются дела в столице империи? Где же тут справедливость? Он впился взглядом в Дартуна, но понял, что лидер культистов – не тот, с кем можно торговаться.

– Ну а во что оценили бы жизнь вы, господин Эстеву? – спросил Дартун.

Рандур снова опустился на стул, чувствуя себя несчастным. Четыреста ямунов? Невозможная сумма. Прикинув, что один ямун стоит десять сота, а в каждом из них пятьдесят

лордилов, он понял, что на такие деньги можно купить все фермы на Фолке, и еще останется. К тому же оценивать в деньгах жизнь человека казалось ему полной дикостью.

– Не надо так расстраиваться, – продолжал Дартун. – Вы же будете жить в Балмакаре, где много богатых людей. Уверен, вы придумаете, как сделать так, чтобы часть их средств перекочевала в ваши карманы. Вы красивый юноша и скоро обнаружите, что приятная внешность дает в таких делах большое преимущество.

Рандур даже не обратил внимания на наглость. Его взгляд был устремлен на стол прямо перед ним, на мелкую руническую гравировку по его краю. Он не знал, как долго он так просидел, но, когда он поднял взгляд, Дартун смотрел на него, продолжая ухмыляться.

– Такие вещи как-нибудь ограничены сроком? – уточнил Рандур. – Предположим, моя мать скончалась вчера, сколько времени пройдет, прежде чем будет слишком поздно... ну, сделать то, что вы можете сделать?

– Хороший вопрос. Мы все время экспериментируем, потому что прогресс – моя главная цель. Именно этим и занят весь наш орден – поиском эссенции жизни, того, что делает нас – нами. На сегодняшний день нам удалось оживить человека, умершего за два года до того, как он попал к нам в руки, правда его мозг оказался не совсем тем, что прежде. Таковы самые общие итоги наших исследований, Рандур. Мы не торговцы на ирене, пытающиеся сбыть по дешевке гору барахла.

Рандур испытал облегчение. Значит, у него есть время раздобыть четыре сотни ямунов.

– По рукам? – спросил Дартун.

– Да, по рукам.

И они обменялись рукопожатием.

– Позвольте один вопрос? – Дартун скрестил руки на груди. – Какого лешего вам понадобилось проделывать такое с родной матерью?

Рандура затошнило, когда он снова вернулся мыслями к той ночи, к тому единственному поступку, о котором он будет сожалеть всегда. Он должен исправить вред, причиненный его безрассудством и легкомыслием. Он должен доказать самому себе, что достоин своей матери. В конце концов, именно матери производят нас на свет. Они кормят нас, одевают, выказывают к нам всяческую доброту. Они делятся с нами всем, что у них есть. Правда, с его матерью временами бывало непросто, но это не имеет значения. Все, что было важно для Рандура теперь, – это та единственная ночь, когда она нуждалась в нем, а его не оказалось рядом.

Он ее подвел.

– Итак, – сказал Рандур, не ответив на вопрос, – что... то есть как вы будете это делать?

– Предоставьте это специалистам, молодой человек. Поверьте, уже не в первый раз ко мне обращаются с просьбой подкорректировать законы мироздания. Я живу в Виллджамуре всю жизнь. Женщины приходят ко мне и просят сделать их красивее, или стройнее, или моложе. Мужчины просят добавить им мужественности. Ко мне обращались проститутки, страдающие от боли во время занятий своим ремеслом, и просили меня сделать так, чтобы их внутренняя мускулатура онемела или чтобы во время работы у них отключалась чувствительность. Даже наркоманы и те ползут ко мне за помощью. Я здесь давно, и видел всякое, и всем всегда говорю одно: покажите мне ваши монеты, а уж я узнаю, как вам помочь.

В стеклянную сферу, установленную в его кабинете, Дартун наблюдал за тем, как уходит молодой человек. Эта сфера была связана с другой, расположенной на фасаде здания и окруженной мозаикой из мрамора так, чтобы казаться украшением; она-то и показывала ему искаженное изображение спины юноши, скользившего прочь по задворкам черно-белого Виллджамура.

Значит, этот Рандур хочет, чтобы его мать жила долго. Что ж, это, положим, довольно просто – займет всего несколько месяцев, максимум год. Быть может, ему даже удастся сделать так, чтобы она пережила своего сына. Рандур был обаятелен, он обладал некой харизмой, которая делала его привлекательным в глазах Дартуна. Он поможет пареньку, хотя и знает, что результаты скоротечны и что ему самому такое лечение не подходит. Когда-то, благодаря технологиям древних, Дартун обладал вечной жизнью. Раз в год он делал себе инъекцию сыворотки, генерированной из реликтовой энергии, – несложная процедура в сравнении с остальными его достижениями, – но теперь он умирал.

Он понял, что реликтовые технологии дауниров подвели его, в тот день, когда порезался бритвой. С тех пор прошло время, а красный шрам все еще здесь. Дартун стоял у зеркала. Поднес к лицу свечу. Бороздка на коже быстро заполнялась кровью. Красная жидкость потекла в раковину, крохотные капли его собственной смерти.

Он вдруг подумал о том, как много вокруг причин, от которых может умереть человек. Лошадь лягнет копытом.

Нападут разочарованные юнцы с мечами, желающие что-то кому-то доказать.

Неосторожное обращение с реликвией.

Отравленная еда.

Банши караулят за каждым углом.

Он собрал все реликвии, имеющие отношение к этой теме, какие только мог найти, проводил бессонные ночи в самых непредсказуемых местах, чтобы выяснить, что происходит и как предотвратить старение, абсолютно уверенный в своем успехе.

В том, что он найдет лекарство от близящейся смерти.

Но не нашел. Тогда он сделал в дневнике запись, думая о том, как странно, что слова переживут его, когда он уйдет:

«Как получается, что я могу вести беседу из могилы? Говорить с вами сейчас? Посредством слов, написанных на этой странице, не более и не менее. Значит, эти мелочи продлевают нашу жизнь? Следы, оставленные нами за время нашего существования, – записка здесь, брошенный любовник там? Резкость, сказанная одному. Совет, данный другому. Шутка, рассказанная третьему.

Кусочки нас самих, подаренные миру.

Значит, только в них я смогу жить вечно?»

Подстегиваемый этими размышлениями, а также впечатлением от визита Рандура, Дартун спустился в подземные лаборатории взглянуть на резервуары Шелли.

Темная комната в самом дальнем углу штаб-квартиры его ордена. Сбоку лежат семь трупов, подобранные стариной Тарром на улицах Виллджамура, но он возлагает надежды на те, что в резервуарах: они не были мертвы с самого начала. Резервуары были выстроены в два ряда и представляли собой похожие на ванны металлические бассейны, заполненные регенерирующей жидкостью. В нее были погружены тела, их губы касались поверхности воды изнутри.

Это были люди с психическими расстройствами, пациенты заведений для душевнобольных, калеки, инвалиды – все те, чье существование Виллджамур и вся Джамурская империя отказывались даже признавать, не говоря уже о том, чтобы проявлять о них заботу. У таких, как они, не было ни единого шанса внести свой вклад в империю, и до недавнего времени они с потерянными выражением лица бродили по закоулкам великого города.

Он не представлял себе доли худшей, чем быть позабытым всеми, когда всякий, на кого ты бросишь взгляд, шарахается от тебя. Один из них сам сказал ему однажды, что, когда люди отказываются с тобой говорить, опускают глаза в то время, когда ты глядишь в их сторону, ты уже все равно что умер.

Неужели только внимание других людей к нам дает нам уверенность в том, что мы еще живы?

Дартун захотел поставить эксперимент на них. Если его ждет успех, то и для них это будет какой-никакой выход, а если они не умрут, то будут ли живы в полном смысле этого слова? Он хотел увидеть, смогут ли новые технологии продлить им жизнь. А уж потом применить эти технологии к себе.

В воздухе воняло химикатами.

Вслепую он зажег в углу фонарь из синего стекла. Модифицированные реликвии были погружены в воду одного ряда резервуаров. Над ними стояло тусклое фиолетовое мерцание, означавшее, что они готовы. Снедаемый беспокойством, он подошел к первому стоявшему на платформе высотой ему по пояс и благодаря свету, падавшему ему на лицо, увидел свое отражение в вязкой жидкости. Обработанные пробными составами, эти тела часами сопротивлялись воздействию химических соединений, против которых обычный организм и минуты бы не устоял.

Одну за другой он отключил реликвии, и жидкость начала уходить по широким трубам в канализацию, чтобы вытечь наружу где-то в глубине города. Когда уровень жидкости немного опустился, взгляду Дартуна предстало обнаженное тело мужчины. Мокрое и блестящее, оно было покрыто многочисленными шрамами мелких операций и торчавшими из них проволочками – следами его попыток избежать разложения. Дартун воткнул ему в грудь шприц, и через несколько секунд тело подпрыгнуло и задергалось. Глаза лежащего распахнулись, руки вскинулись и начали хватать воздух над головой, с губ сорвался неуместно басовитый детский плач.

Дартун пришел в восторг, он упивался оптимизмом – неужели попытка удалась?

Вдруг тело упало обратно в резервуар и мелко задрожало. Потом вообще перестало двигаться и стало таким же безжизненным, как немертвый до операции.

Снова неудача.

Он вздохнул и повторил всю процедуру с телами в каждой из пяти емкостей по одну сторону комнаты, причем все они сначала оживали, а затем погружались в смерть. Их надо было сохранить от распада, для этого им переделали внутренности. Тщету жизни – вот что он наблюдал в результате своих экспериментов и снова погружался в отчаяние и тоску. Эти люди, не имея выбора, доверили ему свою жизнь, а он подвел их.

Он даже не мог решить, хорошо ли это – стать одним из немертвых.

Дартун пришел в ярость. Находясь в компании мертвецов, он дал выход своему гневу, пиная все, что попадалось под ноги, а когда кто-то из его ордена вошел, чтобы посмотреть, в чем дело, он вытолкнул его взащей. Он знал, что ведет себя по-детски, непредсказуемо, но так действовала на него неудача. Он ненавидел это в себе и бесился оттого, что собственная жизнь от него ускользала.

А как те, другие, задумываются ли они о своей смерти или считают, что этот день никогда не настанет?

Дни теперь казались ему не длиннее одного удара сердца.

Неудачи отняли у него все шансы, кроме последнего. Значит, осталось принять одно решение и тем самым почтить свою недавно обретенную смертность: развить пределы технологии дауниров до предела. Если уж ему суждено умереть, он сделает это так, что войдет в легенду, его имя запомнят, – он будет первопроходцем. В мире так много всякого, что он исследовал всю жизнь, и теперь пора дать своим исследованиям практическое применение. И не только это. Ему еще нужно найти одну важнейшую реликвию, фрагмент мощнейшей технологии. Ведь любая развитая технология неотличима от магии – а он исчерпал весь свой запас.

По крайней мере, в этом мире.

Глава шестая

Следователь Румекс Джерид сидел за своим столом и чувствовал себя жертвой. Он уже пострадал от первых снежков, брошенных в него озорниками с Гата-Гамаль. Эта улица, центральная в районе Кайхо, словно плодила мелких негодников, но о переезде нечего было и думать: какой смысл, ведь они все равно не оставят его в покое. Погода в последние дни стояла слякотная, так что где эти наглецы взяли столько плотного снега, он и представить себе не мог. В общем, мальчишки подняли Джерида с постели слишком рано. Выходя утром из дому, он видел их головы, торчащие поверх стены, заметил враждебность в их глазах, слышал их свист, уличные словечки, которыми они перебрасывались друг с другом, и обращенные к нему выкрики: «Эй, Джер-рид, береги спину, слышь?» – и насмешки: «Эй, Джер-рид, а где твоя бабенка? Может, тебе составить компанию? Мы тебя лю-у-убим, Джер-рид!»

Что с ними поделаешь? Можно было бы взять и арестовать их родителей, если бы они у них были, но сами мальчишки тут же растворились бы в лабиринте узких переулков, и ищи-свищи.

Джерид был стар. Ему за ними не угнаться. Как не угнаться и за многим другим, происходящим сейчас в Виллджамуре.

Взяв по дороге на работу еженедельный новостной листок, он с ужасом увидел, что об убийстве сенатора уже кричит каждый заголовок. Это значило, что отныне, работая над этим делом, ему придется все время держать Совет в курсе каждого своего шага, чего он никак не хотел.

Справа от него на столе лежала папка, оставленная одним из ночных следователей. В ней содержались подробные отчеты о новых случаях насилия у ворот города и в лагере беженцев. Двое серьезно ранены мечами в голову. Говорили даже о похищении. Обе стороны обвиняли друг друга. А между тем уровень гигиены в лагере беженцев стремительно падал. Активисты праворадикальных группировок Виллджамура устроили манифестации. Они выступали против того, чтобы эти типы перед лицом надвигающегося Оледенения похищали у жителей Виллджамура то, что «по праву принадлежит им». Они были против того, чтобы в город проникала зараза. Ситуация находилась на грани невиданной прежде истерии.

Люди становились все отчаяннее и злее.

Он провел час, переписывая свои вчерашние заметки и запивая их остывшим чаем, который принесла ему Гейл, девушка-администратор. Она была темноволосой и симпатичной, но бесхвостой, да и ее человеческая кожа была слишком нежной, на его вкус.

Джерид снова принялся изучать свои записи. Деламонд Гхуда, сорока трех лет. Женат, бездетен. В Совет был выбран пятнадцать лет назад, с тех пор регулярно переизбирался народным голосованием. Чего бы ни хотели массы, он всегда поддерживал их требования, а они отдавали ему свои голоса. С его помощью были проведены законы о реформе системы образования и налогообложения, он прослужил год на посту казначея Виллджамура, после чего был назначен представителем канцлера по контролю над всеми средствами империи. На этом посту он провел последние четыре года.

Кто же мог так сильно желать его смерти?

В эту минуту в комнату без стука вошел помощник Трист:

– Следователь, у нас кое-что есть.

Джерид поднял голову, подавляя зевок:

– Отлично. Выкладывай.

– По показаниям свидетелей, покойного видели накануне вечером в трактире, где он пил в компании женщины тридцати с лишним лет.

– Обычное дело, парень.

– Видели, как они уходили вместе, а она, по слухам, проститутка. На лице у нее приметный шрам. Другой свидетель видел, как они вместе входили в жилой дом недалеко от галереи.

– Отлично, дожили. Городские советники прибегают к услугам шлюх. Хочешь рассказать об этом его спутнице жизни и товарищам по работе? Голову даю на отсечение, нам покажут не болтать об этом. Учитывая, что Совету положено являть собой образчик чистоты и честности...

Туя обтерла его полотенцем, которое тут же бросила в корзинку, стоявшую в углу. Парень в конце концов захотел, чтобы она только поработала над ним руками, а ее это как раз устраивало. Сказал, что не хочет обманывать свою партнершу, передумал в последний момент. Он лежал на спине и часто дышал – мужчины такие жалкие, когда кончат.

Выходя из комнаты, она сказала:

– Я оставлю тебя, одевайся. Просто положи деньги на тумбочку и скажи мне, когда будешь уходить.

Вообще-то, он заплатил ей столько, что хватит теперь на неделю, – четыре сота и десять лордилов, – и она смотрела ему вслед, когда он, в своей нарядной мантии, шел в казначейство. Ее больше не удивляла обыденность клиентов. Все они возвращались к своим семьям, женам, к работе, к мелочной торговле, лелея свой маленький гадкий секрет. Хотя что плохого в том, чем она зарабатывает себе на жизнь, если это никому не вредит? Она ведь не из тех уличных бедняжек, которые ночами не спят, снедаемые виной и стыдом, а мужчины появляются в их жизни и исчезают, точно призраки.

Как же она дошла до такой жизни?

Быть может, причина в том, что она сама превратилась в продукт потребления – «товары и услуги» – и это держит ее в Виллджамуре? Она подозревала, что многие дамы в этом городе находятся в положении не лучше, чем она. Матери и домохозяйки, с одной стороны, и женщины, которые, как она, могли самостоятельно зарабатывать деньги, – с другой. Ведь до тех пор, пока на женщин будут смотреть с точки зрения возможного обмена денег на услуги, их эмансипация останется неполной. Когда же стало слишком поздно менять что-либо? И сама ли она выбрала для себя такую жизнь, или ее навязали ей другие?

Со вздохом она вернулась к постели, легла, укрылась. Смотрела на свет, льющийся в окно. Слушала звуки людного города. И закрыла глаза.

Джерид постучал, и женщина немедленно открыла. На ней была лишь тоненькая сорочка, не предназначенная для того, чтобы согревать. Рыжие волосы, округлости, которые появляются тут и там от периодических дорогих обедов. Вдоль одной щеки тянулся темнотный рубец, на который Джерид изо всех сил старался не смотреть.

– Следователь Румекс Джерид, инквизиция Виллджамура. – Он протянул ей свой медальон инквизитора. – А это мой помощник Трист. Мы расследуем убийство Деламонда Гхуды и надеемся, что вы не откажетесь ответить на несколько вопросов.

– Деламонд Гхуда? – переспросила она. – О боги... Пожалуйста, входите. Могу ли я предложить вам что-нибудь выпить?

– Нет, спасибо, – отказался Джерид.

Трист вытащил блокнот и карандаш.

Женщина принесла два резных деревянных стула и посадила пришедших у окна.

– Большое спасибо, – поблагодарил Трист, усаживаясь.

– Впечатляют. – Джерид указал на стулья, но остался стоять. Он решил, что не к чему слишком расслабляться. – Антикварные?

– Да. Вы тоже коллекционер, следовательно?

– Не-ет, – ответил Джерид, бросая взгляд на Триста, который сидя рассматривал комнату. – Моя жена была коллекционером, в своем роде. Иногда и я таскался за ней по разным рынкам. Сам так и не полюбил это дело, но хорошее от плохого отличить могу. – На миг он даже почувствовал благодарность к Марисе за то, что она научила его разбираться в антиквариате. Благодарность тут же пробудила боль.

– Была? Значит, вы больше не женаты? – сказала Туя, садясь на постель и кладя ногу на ногу так, что они стали видны в разрез ее сорочки.

Джерид вздохнул:

– Мы пришли, чтобы поговорить об убийстве, мисс?...

– Далууд. Туя Далууд.

Трист записывал ответы, пока Джерид задавал положенные по протоколу вопросы.

– В вечер перед убийством вас виделись с жертвой.

– Да, – подтвердила она. – Да, верно.

– Чем именно вы зарабатываете себе на жизнь, могу я вас спросить?

– Вы оба – люди светские, я полагаю? – спросила она.

Джерид посмотрел на Триста, потом перевел взгляд на Тую:

– И что из этого следует?

– Идемте. – Она подвела их к резной двери, которая вела в ее спальню, протянула руку. – Один взгляд, не больше. – И она распахнула дверь.

Было ясно, что перед ними будуар шлюхи. Роскошная кровать, масла, свечи, большие зеркала, запах секса. Джерид попятился и сделал знак Трису, который часто моргал.

Только тут Джерид осознал, какая она высокая.

– Нас это не касается, мисс Далууд.

– Я знаю.

Сунув руки в карманы, Джерид прошелся по ее гостиной, отмечая на ходу изящные безделушки, картины, мебель.

– Вам, видимо, хорошо платят.

– Да, и мне не на кого тратить деньги. Зато у меня есть время для себя и своих интересов.

Сделав паузу, Джерид посмотрел на Триста, который уже вернулся на стул у окна.

В углу Джерид заметил повернутые к стене холсты:

– Балуетесь живописью, мисс Далууд? Можно нам взглянуть?

– Лучше не надо. Я многого в них стесняюсь.

– Мисс Далууд, не будете ли вы так любезны объяснить характер дела, связавшего вас и советника Гху в интересующий нас вечер?

Взгляд Туи метнулся от одного офицера к другому, остановился на Джериде.

– Я сидела одна в заведении возле ирена и выпивала.

– Вы имеете в виду трактир «Любители»? – уточнил Джерид.

– Да, именно его.

– Часто вы там бываете?

– Довольно часто. Мне нравятся его атмосфера и вид из окон. Когда ветер начинает приносить первые зимние дожди с моря, крыши домов и мостовая вокруг становятся черными и блестящими, как тюлени.

– Хм. – Джериду понравилось ее описание. Женщина, очевидно, любила город, но ему надо, чтобы она ответила на вопросы. – В котором часу это было?

– Часов в семь, может быть, даже в восемь. Я всегда беру туда книгу, и время пролетает незаметно.

– Значит, вы находились в трактире после семи часов.

– Да, и сначала я сидела одна, но немного погодя кто-то спросил, свободно ли место за моим столом.

– Это был Деламонд Гхуда? – подсказал Джерид.

Туя вздохнула:

– Несмотря на мой шрам, он считал меня привлекательной. Что я могу сказать? Мужчины часто видят во мне что-то особенное.

– А это не так?

Он тут же заметил перемену в ее настроении. И усомнился в том, что она сулит что-то хорошее ему самому, Джериду.

– Простите. Что было потом?

– Он сел напротив, я тоже нашла его привлекательным. Мы поговорили о литературе, он несколько раз заказал нам обоим вина. В общем, он оказался очень мил. Мне было одиноко. Он был умен. Вы ведь человек светский и знаете, как это бывает.

– Разумеется.

«Хотя какое там „разумеется“, – напомнил он себе. – Я уже лет сто ничего такого не делал». Джерид опустился на другой стул, попутно заметив, что Трист записывает.

– Потом вы пришли сюда?

– Да.

– В котором часу? – спросил Трист.

– Около десяти.

– Быстро он вас обработал, – заметил Джерид.

Смех Туи оказался на удивление сердечным.

– Я была одна, а он был забавным. Мы поднялись прямо сюда.

– По пути сюда вы ничего или никого странного не заметили?

– Нет. Совсем ничего. Ничего такого, что обратило бы на себя мое внимание.

– Хорошо, что потом?

– Мы пришли сюда и... ну, вы понимаете.

– Вступили в сексуальные отношения?

– Да, следовательно, хотя я предпочитаю называть это «занялись любовью».

– Немного поспешно для любви, не находите? – Он вдруг почувствовал себя слегка задетым.

Туя мяла подол сорочки.

– Когда он от вас ушел? – продолжал Джерид.

– Он пробыл у меня до утра. Ушел рано, я еще спала.

– И вы опять не видели и не слышали ничего такого, что показалось бы вам неуместным?

– Все было как всегда по ночам. Под окнами орали пьяные. По мостовой цокали копытами лошади.

Она улыбнулась со странным выражением – как будто нехотя. Джерид встал, посмотрел на Триста. Молодой помощник тоже поднялся, отодвинул стул.

– Что ж, для начала хватит и этого, – произнес Джерид. – Нам нужно опросить еще нескольких человек. – Вообще-то, никаких определенных планов у него пока не было, просто ему хотелось намекнуть на то, что они с ней еще не закончили, – пусть попотеет.

– Уже уходите? – удивилась Туя. – Разве вы не меня подозреваете?

– Если нам понадобится задать вам еще несколько вопросов, полагаю, мы сможем найти вас здесь? – Джерид еще раз обвел взглядом антиквариат в комнате.

– Конечно, только не пугайтесь, если придется постучать и подождать. – Она подмигнула Тристу.

Парень до того смутился, что Джериду даже смешно стало, но он сдержался.

– И что вы об этом думаете? – спросил Трист, пока они спускались по винтовой лестнице. Голые каменные стены отражали его голос.

– Пока рано судить. У советника было много врагов.

– Может, о его интрижке узнала жена?

– В ту же ночь? Вряд ли. Да и какая там интрижка? Одинокая женщина, богатый влиятельный человек. Я много раз видел подобное.

– Надеюсь, мое свидание с Гейл пройдет удачнее.

Джерид посмотрел на помощника:

– Это ты про какую Гейл, нашу администраторшу, что ли?

– Про нее, конечно.

– А-а, слишком мягкокожая, – проворчал Джерид, распахивая дверь. – Нашел бы ты себе кого-нибудь покрепче. Вроде девушки-румеля. Они так быстро не изнашиваются.

– А вы себе когда новую заведете, вы же теперь свободны?

Джерид прищурился, выходя на яркий солнечный свет, пока Трист закрывал за ним дверь. В его мыслях была одна Мариса: слишком мало времени прошло с тех пор, как они расстались. И слишком многое ему предстояло узнать снова.

– Стар я уже для таких штук, – ответил Джерид.

– Для этого нельзя быть слишком старым.

– Да мне и раньше все это с трудом давалось. – И тут же вспомнил, как много хорошего сделала для него Мариса и каким несовершенным он чувствовал себя без нее.

И он зашагал по улице, возвращаясь мыслями к проститутке и убитому политику.

Глава седьмая

Бринд и Эйр терпеливо ждали в коридоре возле Атриума – палаты, где обсуждалась вся политика не только города, но и всей империи. Совет заседал уже несколько часов. Именно тогда Бринд особенно ясно понял, что всю свою жизнь на службе у империи только и делает, что уезжает, приезжает и ждет.

Они двое проводили время в угрюмом молчании, и Бринд очень жалел Эйр из-за того, что она, такая молодая, видела смерть отца. Он сделал попытку убедить ее, что это не ее вина, а несчастный случай. Она не плакала при всех, но, когда утром Бринд пришел за ней в ее покои, из-за двери до него донеслись ее рыдания.

Однако к нему она вышла настолько спокойной, насколько можно было ожидать в данных обстоятельствах.

После отъезда сестры Рики, много лет назад, младшая девочка остепенилась, но стала более замкнутой. Не ей следовало бы приглядывать за Джохинном, не юной девушке вроде нее. Бринд даже подумал, что со временем она может начать рассматривать смерть отца как освобождение от его эмоциональной власти над ней.

Наконец большие дубовые двери Атриума распахнулись, и их обоих пригласили войти.

Атриум представлял собой белокаменную палату с куполообразным потолком, шагов пятьдесят в длину и столько же в ширину. Двадцать пять советников, каждый от одного района города по старой карте, сидели перед ними в амфитеатре.

Заседание длилось почти весь день, советники с тревогой взвешивали возможные последствия смерти Джамура Джохинна. Останки последнего императора было решено захоронить как можно скорее. Большой части населения Виллджамура так и не сообщили, что Джохинн покончил с собой. Дворцовым слугам под страхом медленной мучительной смерти запрещено было выносить эту весть за стены Балмакары.

Бринд и Эйр тихо заняли места в дальнем конце зала, на деревянном подиуме для почетных гостей, хотя Бринд чувствовал себя здесь, скорее, пленником. Подиум украшал герб Джамурской империи: семиконечная звезда.

Волна шепота прокатилась по залу Совета.

На Эйр был скромный наряд: черное платье и темно-красная шаль; Бринд воспользовался случаем смыть с себя грязь, шрамы и воспоминания о недавней засаде и облачился в чистую черную форму.

С годами Бринду удалось заслужить доверие императора, но он так и не понял, как к военачальнику-альбиносу относится Совет. А теперь, после происшествия на мысе Далук, у него стало еще больше причин опасаться его членов. Так что надо следить за ними в оба: вдруг виновный выдаст себя жестом или взглядом?

Молчание наступило, когда поднялся канцлер Уртика.

Бринд втайне презирал его. Судите сами, можно ли доверять тому, кто в юности, по слухам, год служил помощником палача инквизиции, смешивая для него яды. Сейчас Уртике перевалило за сорок, он был смугл, хорош собой, сидящие черные волосы стриг коротко. Зеленая туника и серый плащ – одеяние, принятое в Совете, – хорошо сидели на его поджаром теле.

– Джамур Эйр. Командующий Латрея, добро пожаловать в Атриум, – начал он ровным глубоким голосом. – Как вы понимаете, мы обсуждали ситуацию, в которой оказалось наше государство, и я сразу перейду к подробному изложению выводов, к которым мы пришли. Возможно, для вас не будет сюрпризом наше решение вернуть в город старшую дочь покойного императора Джамур Рiku. Традиция и закон, установленные еще самим Бором, нашим божественным отцом, предписывают, чтобы трон наследовал старший кровный род-

ственник последнего императора, обеспечивая тем самым непрерывность цепи правления. Императрицей Виллджамура станет Джамур Рика, чья кандидатура, как мы считаем, является наиболее верным выбором в наши ненадежные времена.

Бринд предвидел такой поворот событий.

– Командующий, мы поручаем вам немедленно отправиться на Южные Фьорды и привезти оттуда леди Рику. Это займет у вас несколько дней, а сразу по возвращении мы устроим торжества, чтобы воздать долг памяти покойному императору и приветствовать новую императрицу. Важнее всего рассматривать появление наследницы престола не как кризис, но как перемену к лучшему. Как старший член Совета, я сам буду наставлять молодую императрицу во всем. Мы будем рады приветствовать в ее лице нашу новую правительницу.

«Да уж, особенно ты, – подумал Бринд. – Уж ты-то наверняка не упустишь возможности воспользоваться невинностью и доверчивостью новой императрицы, чтобы от ее имени воплощать решения, выгодные тебе».

– Командующий, – продолжал Уртика, – мы предприняли все необходимые шаги для того, чтобы ускорить ваш отъезд, и в порту Гиш уже стоит корабль, готовый принять вас на борт. Возьмите столько ночных гвардейцев, сколько сочтете необходимым.

– Спасибо, – ответил Бринд. – Кстати, о Ночной Гвардии: полагаю, вы слышали о том, что случилось с нами на мысе Далук.

– Да, конечно. Один из ваших офицеров – некий капитан Апий Хой, кажется, – не преминул проинформировать об этом вчера вечером посетителей нескольких баров, а заодно и всех служащих главного обеденного зала Балмакары. Я сам услышал об этом от работников кухни. Чрезвычайно неприятный способ узнавать новости для человека моего...

– Я хочу знать, – перебил его Бринд, – как случилось, что на нас устроили засаду. О нашей миссии не должен был знать никто, кроме членов Совета самого высокого уровня.

Бринд смотрел на Уртику в упор. Тот слегка помялся, но сохранил выражение озабоченности:

– Это и в самом деле трагедия, однако подобные вещи случаются в военном деле, командующий. Если бы существовал способ...

– Мне нужен только ответ на вопрос: кому понадобилась бессмысленная гибель моих людей, канцлер?

– По вашей просьбе, командующий, мы начнем расследование по этому делу, но сейчас вам надлежит немедленно отправляться за Джамур Рикой.

– А что, если она не захочет вернуться? – предположил Бринд. – Ни для кого не секрет, что она ненавидела своего отца за то, как тот обращался с ее матерью.

– Императора больше нет с нами, а в вашу задачу входит убедить ее вернуться. Она нужна нам здесь. Виллджамур нуждается в ней.

Бринд не понимал причин такой срочности – всеми государственными делами давно уже заправлял Совет, от Джохинна только и требовалось что подпись.

– Отправляюсь завтра утром, – согласился он.

Тут вмешался советник Болл, щупленький коротышка, который сошел бы за мальчика, если бы не его седые волосы и увядшая кожа.

– Командующий, в последнее время имело место немало феноменов, в природе которых мы не вполне уверены, – начал он. – Нам доложили о серии убийств на Тинеаг'ле, – пояснил он. – И о массовом исчезновении людей. Хотя пока это лишь слухи, распускаемые безответственными аборигенами и не подтвержденные иными, более достойными доверия источниками.

– Вы хотите, чтобы я занялся расследованием? И доложил о том, что увижу? – К поручениям такого рода Бринд не привык.

– Более или менее, – подтвердил Уртика. – Ничего срочного, разумеется, – дело вполне подождет до вашего возвращения. Но вы ведь понимаете нашу тревогу: что-то происходит там, на том конце империи. Кто-то с какой-то целью убивает наших благонадежных подданных.

– Которых и так может не остаться, когда наступит Оледенение, – отрезал Бринд.

– Именно так, – кивнул Уртика и повернулся к Эйр. – Джамур Эйр, обращаясь к вам в столь тяжкое для вас время, я прошу, чтобы вы взяли на себя правление городом от имени вашей сестры до ее прибытия.

– Конечно, канцлер Уртика, – без всякого выражения отвечала Эйр. – Я сделаю все необходимое.

– С публичным заявлением мы выступим позднее, – подвел черту под разговором Уртика. – Благодарю вас обоих за то, что нашли для нас время.

Довольно неожиданный финал, зато скорый. Выходя следом за Эйр из Атриума, Бринд едва сдерживал смех. Только он вернулся в Виллджамур, как его снова выпроваживают.

Бринда пригласили отобедать с Эйр, временной правительницей Виллджамура. Он часто ел с покойным императором, и всегда их разговор в конечном итоге сворачивал на последнюю проведенную им операцию или выполненное задание, но, когда к ним присоединилась она, Бринд чувствовал себя неловко, так как считал, что в ее присутствии не следует говорить о войне. Сегодня она сидела на стуле так прямо, словно проглотила линейку, и ковыряла омара, а ее кожа по контрасту все с тем же черным платьем казалась почти такой же бледной, как его собственная.

– Как вы себя чувствуете? – спросил он наконец.

Взгляд, точно издалека, рассеянный.

– Прекрасно, – проронила она. И снова уставилась в тарелку.

Шкуры разных зверей покрывали стены и пол. В камине шипел и плевался огонь, бросая на стены отсветы, из-за которых казалось, будто зал полон оживших туш животных.

– Вы рады скорому возвращению сестры?

– Да, очень рада. – Эйр подняла голову, ее взгляд внезапно просветлел. – Столько времени прошло с тех пор... с тех пор, как она уехала.

– Думаете, она когда-нибудь простит его?

– Надеюсь. Возможно. Вступив в Церковь Джорсалира, она сильно изменилась.

Бринд задумался:

– Что ж, быть может, империя только выиграет от правления человека с твердыми религиозными убеждениями. А вы его прощаете, позвольте вас спросить?

– Раньше я его ненавидела. – Эйр отодвинула тарелку и откинулась на спинку стула. – Вам не обязательно сидеть здесь со мной, командующий.

– Знаю. Но с вами куда лучше, чем со многими в этом дурацком месте.

– Вряд ли кому-то сейчас может быть хорошо со мной. – Она явно боролась с собой, чтобы не выдать своих чувств.

Бринд не стал заполнять паузу.

Наконец она заговорила снова:

– А теперь, когда его нет... Это ужасно, то, что я скажу...

– Ничего, давайте выкладывайте.

– У меня как будто камень с плеч свалился.

– Да, кажется, я понимаю вас. Говорите.

– Мне все время надо было присматривать за ним. А значит, у меня самой не было никакой жизни.

– Эйр, ваше детство было ничуть не хуже, чем у любого ребенка вашего положения. Ваша мать гордилась бы, если бы могла вас видеть.

– Но теперь, – продолжала она, – когда его нет, мне больше не нужно это делать. Мне не надо следить за тем, чтобы он не напился, не надо извиняться перед слугами, когда он изгаживает простыни. Мне не надо стоять у запертой двери и слушать, как он беснуется там внутри от страха. И все же каждая свободная минута – а их у меня теперь много – напоминает мне, что его больше нет.

– А значит, у вас теперь есть своя жизнь.

Она горько улыбнулась:

– Вот как? Ничего подобного. Конечно, из-за того, чья кровь течет в моих жилах, со мной обращаются чуть лучше, чем со многими другими женщинами Виллджамура. Но представьте, что существует целый список людей, желающих в этом году взять меня в жены, а я и половины из них в глаза не видела. Подумайте, какой я теперь ценный для них приз. Я неплохо разбираюсь в имперской политике, командующий. Я знаю, что моя жизнь важна для правительства лишь постольку, поскольку мое существование обеспечивает приток денег в казну.

– Не каждому из нас выпадает шанс найти любовь в этом мире, – проговорил себе под нос Бринд и вдруг понял, что обращается не только к ней, но и к самому себе. – Мы не всегда имеем возможность распоряжаться своими сердечными делами самостоятельно. Обстоятельства не всегда позволяют.

– Любовь. – Она почти выплюнула это слово. – Вы же мужчина, где уж вам понять.

Бринд сделал слуге знак унести тарелки. Как только мальчик вышел, он продолжал:

– Это ничего, что вы расстроены, Эйр. В вашем положении естественно горевать.

– Я не расстроена. – В ее тоне зазвучало нечто новое, и он понял, что она отгораживается от него, прячет свои мысли за высокими стенами.

Течение разговора замедлилось, то и дело прерываясь неловкими паузами. Эйр сидела, глядя перед собой в пустоту, и время от времени прикрывала глаза, будто хотела забыть об окружающем.

Минуту спустя он встал.

– Уже уходите? – спросила она, по-прежнему не глядя на него.

– Боюсь, что кто-нибудь вроде меня может нагнать на вас еще большую тоску, – пошутил он, и улыбка, скользнувшая по ее лицу, казалось, означала, что шутка удалась. – Даунир хочет меня видеть. Поскольку завтра я снова уезжаю, мне лучше пойти и повидаться с ним сейчас. А вы поспите, если сможете.

Он оставил ее одну в обеденном зале, где некоторое время еще были слышны звуки его удаляющихся шагов, а потом остался лишь треск пламени в камине.

Бринд долго шел извилистыми каменными коридорами, пока наконец не оказался у входа в покои даунира, располагавшиеся в уединенном гроте, врезанном в каменный утес вдали от богато украшенной части Балмакары. Пещера была остатком более древней постройки, каменная кладка которой стерлась за сотни лет.

Бринд стукнул кулаком в железную дверь, ведущую в подвал даунира. Такая дверь была бы уместна в тюрьме.

По ту сторону послышались медленные шаги. Дверь отворилась. Луч фонарного света упал на его лицо.

– Селе Джамура, это командующий Бринд из дома Латрея.

– Пожалуйста, входи, – отозвался хриловатый голос.

Сразу за дверью, немного ссутулившись, стоял даунир.

– Селе Джамура, – повторил Бринд и скользнул внутрь.

– Я очень рад, что ты смог прийти навестить меня, командующий Бринд Латрея, – сказал даунир. – Времена сейчас интересные.

– Как всегда, – заметил Бринд, наблюдая, как даунир запирает за ним дверь.

С ног до головы покрытый коричневой шерстью, даунир носил лишь набедренную повязку. Он на полкорпуса возвышался над Бриндом.

Казалось, что он всегда стоит и ходит, чуть согнув колени, – наверное, потому, что вокруг не было никого одного роста с ним и ему не с кем было поговорить. Его глаза напоминали черные мячи, посаженные на узкую, очертаниями напоминающую козью голову, из пасти торчали клыки в локоть длиной.

– Как поживаешь, Джарро? – спросил Бринд. – Мне передали, что ты хотел меня видеть.

Невозможно большой ладонью даунир показал на стул. Три стены его пещеры от пола до потолка занимали полки с книгами; еще больше книг было навалено вокруг каждого предмета простой деревянной мебели. Среди них часто попадались очень красивые, хотя и потускневшие от времени переплеты.

На столе в дальнем конце комнаты лежал труп овцы, от которого в помещении дурно пахло.

– Не мешало бы покурить тут благовониями, – проворчал Бринд.

Джарро нахмурился, подумал с минуту, потом сказал:

– А, это шутка. Очень хорошо, Бринд Латрея, очень хорошо. «Ирония» – кажется, так это у вас называется?

Откинувшись на спинку стула, Бринд подобрал с пола книгу, но обнаружил, что она написана на незнакомом ему языке. Судя по шрифту, она могла быть откуда-нибудь с Болла, Тинеаг'ла или другого дальнего аванпоста империи.

– Это об истории танца на Фолке, – пояснил Джарро.

– Что-то не похоже на фолкский.

– Ты прав, Бринд Латрея. Но этот труд написан больше тысячи лет назад, а языки меняются.

Бринд поджал губы и отложил фолиант.

– Я обратился к ней из-за Снежного бала, который устраивают высокородные люди и румели. Надеюсь, я тоже смогу его посетить.

– Почему бы и нет, – сказал Бринд. – Ты ведь не пленник.

– В самом деле, не пленник, хотя иногда у меня такое чувство, будто я в плену. Никто не заходит ко мне просто так, только когда хотят получить от меня помощь в решении их мелких проблем. А ведь я не оракул. И не владею магией. И кроме того, я ведь не знаю...

Даунир отошел к полке поставить книгу на место:

– Как идут занятия?

– Ничего нового. Никаких открытий. Хотя истории Бореальского архипелага довольно занимательны. В текстах много несовпадений, и это наводит меня на мысль о том, что реальная жизнь была куда богаче, чем история, написанная о ней, а история короче, чем жизнь. К тому же у меня... очень много времени. Поэтому я не тороплюсь. Книги, которые я прочел в предыдущие Оледенения, были очень интересны. Похоже, что луны погубили немало цивилизаций до нас, и каких цивилизаций! Так что у нашего Совета есть все причины для волнения.

Джарро подтолкнул вперед огромный стул из кованого железа, с толстой подушкой на сиденье. Испутив вздох, громкий, как дальний раскат грома, даунир сел и откинулся на спинку стула. В руке он держал книгу, том в кожаном переплете, размером с крышку небольшого стола.

– Это «Книга чудес земли и неба», и речь в ней идет о веках столь далеких, что нам они кажутся легендарными. Сегодня я прочел здесь, что некогда наши леса были уничтожены полностью. И мы зовем наши сегодняшние деревья именами тех семян, в виде которых они были схоронены тогда в земле. А еще я прочел, что солнце когда-то было намного желтее нынешнего. Если это правда, то наше светило постепенно теряет силу, а значит, умирает. Но и на этих страницах – возможно, предсказуемо – нет ничего о моем происхождении. Я по-прежнему полон печали.

Бринд не раз уже выслушивал философские рассуждения Джарро. Говорили, будто он провел в стенах города больше тысячи лет, почти столько, сколько эта груда камней зовется Виллджамуром. То же говорит и сам Джарро. Его нашли, когда он в полном беспомоществе бродил по обледеневшему северному побережью Джокулла. Он прожил такую долгую жизнь, что теперь его считали бессмертным, но Бринд мрачно думал, как жить, когда не знаешь своих корней. В этом отношении у них с дауниром было кое-что общее. Богатые родители усыновили Бринда в раннем детстве, и он понятия не имел о своем истинном происхождении. Хотя кому интересно, откуда мог взаться альбинос?

– А как у тебя со здоровьем? Хорошо себя чувствуешь? – спросил Бринд.

– Нет, мало двигаюсь. Завидую тебе, ты всегда спешишь то с одним поручением, то с другим.

Одной фразой Джарро умудрился обесценить всю карьеру Бринда.

– Ты должен как-нибудь взять меня с собой, потому что мне хотелось бы увидеть архипелаг своими глазами. Может быть, это подтолкнет мою память, – возможно, я узнаю что-нибудь из того, что видел в прошлом. Было бы забавно.

– Почему бы и нет, если это поможет? Но судя по всему, ты еще ничего не слышал о нашем последнем задании.

И Бринд в подробностях изложил дауниру все, что приключилось с ним за последние дни.

– В самом деле ситуация сложная, – согласился Джарро. – Что ж, как говорится, я приложу для тебя к земле мое ухо.

– Спасибо, – сказал Бринд. – Слышал об императоре?

– Да. И снова любопытно. Но он ведь был не в своем уме, так?

– Теперь я еду за его старшей дочерью, она будет нашей императрицей.

– Джамур Рика? Конечно. А разве она не ребенок?

– Нет, ей уже двадцать.

– Как быстро растете вы, люди! – Собственная проницательность, похоже, привела даунира в восторг.

Они обсудили последние городские новости, события в лагере беженцев за его стенами. Потом Джарро принялся что-то бормотать о диких цветах Джокулла и Маоура. Бринд послушал-послушал и мягко прервал его излияния:

– Джарро, а ты, случайно, не слышал ничего об убийствах на Тинеаг'ле, а?

– Убийствах? – Джарро задумчиво сложил домиком могучие ладони.

– Не думаю, чтобы это была межплеменная рознь. Может, какая-то неизвестная тварь или еще что?

– Я ничего об этом не знаю, но, признаюсь, хотел бы узнать больше. Согласно тому, что я читал, на архипелаге уже много тысяч лет не водилось существ, способных на убийства в больших масштабах. Их окаменевшие останки сохранились, конечно, на Й'ирене. Попытаюсь узнать.

– Спасибо, – сказал Бринд. – Мне пора. Вернусь, зайду к тебе снова.

– До свидания, Бринд Латрея, – рассеянно отозвался даунир.

– Знаешь, в чем твоя беда?

Они стояли у стойки в «Кресте и полумесяце». Время было ближе к полуночи, трактир почти опустел. Ветеран Девятого драгунского полка спал в углу, не выпуская из рук крѣжки и все еще в форме, которая ему больше не понадобится. Рядом сидели двое пожилых румелей и дружески молчали. Неподалеку уютно потрескивало пламя в очаге, клинк-клинк-клинк – перезванивались стаканы на подносе у официантки, которая несла их в кухню. Трактир был из тех, где обращали внимание на декор: зеркала в резных рамах, привозное черное дерево, освещение достаточно яркое для того, чтобы женщины, которые заходили сюда выпить, чувствовали себя спокойно.

– Так в чем же? – переспросил Бринд. Апий уже не в первый раз объяснял ему суть его проблемы. И разумеется, не в последний.

Бринд сделал глоток пива.

– Ты слабак, – продолжал Апий. – Вот кто ты есть, слабак. Принимаешь все слишком близко к своей жопе и никогда не жалуешься. Служишь этим советникам.

– Правда? Спасибо за поддержку.

– Да скажи ты им «нет» хоть раз в жизни! Я бы на твоём месте давно уже надрал им задницы!

– Дипломатическое решение проблем не по тебе?

– Дипломаты еще никогда не выигрывали войну за солдата.

Бринд задумался над мудростью слов капитана:

– Может быть, ты и прав. – Тут он заметил, что вниманием товарища всецело завладела официантка, протиравшая столы. – Эй, ты еще со мной?

– Душой я с ней, – признался Апий. – С тех самых пор, как она вошла сюда.

Бринд уставился на него:

– Прекрати. У тебя что, совсем стыда нету?

– Нет, стыд меня не защищает, – сказал Апий. – Может быть, именно поэтому мои чувства так остры.

Бринд рассмеялся, покачал головой, затем снова задумчиво уставился на бар.

Веселились они на верхнем уровне города, и до казарм Балмакары было рукой подать. Бринд считал такое привилегированное расположение своих солдат напрасной тратой ресурсов, ведь они редко бывали в городе. Лучше бы отдали места беженцам. Но нет, помещение, занимаемое ими, было врезано в склон горы к северу от покоев последнего императора, и обычно минимум двое гвардейцев несли там вахту на случай, если вдруг понадобятся его величеству. На памяти Бринда такого, правда, еще не случалось, но осторожность не мешает.

Квартира самого Бринда как командира гвардейцев была довольно экстравагантна и отделена от остальных. Ему нравилось ее внутреннее убранство: сплошь полированный мрамор вперемешку со сланцем, пурпурные драпировки на каждой стене. За ними скрывались карты дальних территорий империи, чтобы всегда были под рукой, если он вдруг захочет изучить их на досуге. Это занятие нередко помогало ему скоротать бессонную ночь. Укрепляло его чувство долга. С зеркала на туалетном столике свисали военные медальоны.

Потом он заметил письмо, оставленное для него на столике. Он зажег лампу, открыл конверт и нашел в нем написанные рукой канцлера Уртики подробные координаты поселка Хайюк на Южных Фьордах, где жила леди Рика. Кроме того, в письме канцлер выражал желание побеседовать с Бриндом до его отъезда о трагическом происшествии у мыса Далук.

Бринду не хотелось прямо сейчас думать о погибших сослуживцах и искать в себе силы справиться с известием о том, кто оказался предателем. Хуже нет для солдата, чем такие затишья, когда гибель товарищей, которой он стал свидетелем, вспоминается снова

и снова. Надо будет распорядиться, чтобы написали письма соболезнования и отправили семьям погибших. Столько дел еще не сделано, а завтра уже уезжать. Бринд сел за письменный стол и решил пару часов поработать.

Сделав паузу, Бринд поднял голову и посмотрел на часы. Не прошло еще и часу, да и особенно уставшим он себя не чувствовал, но все же решил, что письма подождут. Хотелось глотнуть немного свежего воздуха, расслабиться. Может быть, Апий прав: Бринд воспринимает жизнь слишком серьезно. Начинало сказываться напряжение.

Он снял форму, надел неприметную коричневую тунику, набросил плащ с капюшоном и торопливо шагнул в холодную ночь.

Бринд постучал в дверь. Кругом стояла удушливая тьма, в ночи вроде этой всегда кажется, будто кто-то следит за каждым твоим шагом.

Тогда тайна Бринда выплывет на поверхность.

И его казнят на городской стене.

Он стоял перед непримечательной дверью у Гата-Гуля, недалеко от тех мест, где на пересечении Гата-Картану и Гата-Сентиментал веселились в бистро компании художников и поэтов. Поблизости на голой улице стоял плохой отель, откуда всегда доносился какой-нибудь шум: резкий смех, поспешные шаги, звяканье посуды или лязг металла. В зависимости от настроения города эти звуки могли означать как драку, так и любовь, а то и убийство. А еще каждый был волен интерпретировать их в зависимости от степени своей одержимости: Виллджамур – один из тех городов, которые обретают реальность только в сознании человека.

Дверь открылась, на пороге стоял стройный молодой человек в тонком халате на голое тело. Высокие скулы, тонкие губы, порочная усмешка, которая так манила Бринда. Юноша пальцами расчесывал гладкие черные волосы.

– Ба, да это, никак, мой большой героический воин? Давненько тебя не было видно.

– Неделя выдалась тяжелая, – выдохнул Бринд, опуская взгляд в землю. Не в последнюю очередь потому, что ему не хотелось видеть свое отражение в глазах Кима.

– Судя по всему, так и было, – сказал Ким. – Видок у тебя тот еще. Да и пришел ты не в форме. Ну, чистый бродяга, да и только. Но это я переживу.

– Если нас застукают вместе, когда я в форме, обоих повесят. И представь, что будут думать мои люди, когда узнают обо мне правду. Они и так уже что-то подозревают.

Отсутствие жены вызывало подозрения, Бринду еще повезло, что он был альбиносом, – хоть какая-то отговорка.

– Ты просто психуешь из-за цвета твоей кожи, дорогуша, – заметил Ким. – Хватит, расслабься. Людям на тебя покласть, уж поверь.

– Я пришел сюда не для того, чтобы ссориться.

– Ну, если так, заходи.

Все еще мешкая, Бринд спросил:

– А ты... один? У тебя никого больше нет?

– Конечно нет, а то я тебе сказал бы.

Бринд последовал за ним внутрь, внимательно оглядевшись, прежде чем закрыть дверь. Ким всегда проявлял такую беспечность, и в этой его легкости было что-то ужасно привлекательное. А может быть, это не легкость, а бесшабашность? Многие видели в этом признак силы. Женщин особенно привлекала к нему его глубокая уверенность в себе, порождавшая и его сарказм, и чувство юмора, и сверхъестественную мудрость. Им всегда хотелось, чтобы он обратил на них внимание, но он неизменно возвращался к Бринду.

– Что это у тебя, порез? – спросил его Бринд, разглядев при свете тонкую линию под глазом Кима.

– Да, стал жертвой грубости, ну, ты знаешь, как это бывает. Хотя нет, ты-то как раз не знаешь, ты ведь военный. Пристал тут один тип, обзывался, грозил донести инквизиции. А парень, с которым я тогда встречался, был здоровый и мускулистый. Ну, он и сломал тому ублюдку челюсть. Теперь он сам есть не может. – Лицо Кима осветилось нежнейшей из его улыбок.

– Вот как. – Бринд не знал, сердиться ему или ревновать. Ни на то ни на другое он не имел права. – Ну как у тебя дела? Вижу, ты снова сделал ремонт.

Бринд кивнул на стулья с металлическим каркасом, непонятные фрески на стенах, стильные новые фонари, которые лили вокруг мягкий голубовато-зеленый свет. Его всегда впечатляла эта способность Кима из года в год вносить что-то новое в убранство своего жилища.

Когда они познакомились, Бринд был всего лишь капитаном Второго драгунского полка. Его репутация была не настолько безупречной, чтобы беспокоиться о ней, поэтому бывали хорошие дни, относительно безмятежные, когда он мог проводить вечера, занимаясь любовью и непринужденно общаясь. Вдвоем они ходили по галереям и даже поднимались на мосты в теплые вечера, чтобы быть ближе к звездам. Но и тогда тень палача незримо следовала за ними по пятам, а все из-за двух строчек в древнем джорсалирском тексте. Но все равно в те дни люди еще не помышляли об Оледенении, а ему не принадлежала ключевая роль в обороне и развитии империи, так что он меньше дрожал за свою репутацию.

В те сравнительно беззаботные молодые дни он ходил по городу и клеил мужика за мужиком. В Виллджамуре всегда было подходящих мест, закрытых клубов, таких темных, что там даже женатые мужчины могли позволить себе быть лицемерами. Осознание того, что его могут казнить просто за то, какой он есть, приятно щекотало нервы. И сосать чужой член, думая об этом, было просто здорово. Теперь Бринд остепенился и хранил верность одному мужчине – до того не похожему на него самого, что он и сам не хотел думать о причинах их союза. Может, как раз потому, что Ким был начисто лишен мачизма – качества, которое прямо-таки насаждалось в армии.

– Я продал картину за приличные деньги... – Ким помолчал, следя за взглядом, которым Бринд обводил комнату. – Не то чтобы она была очень хороша, но вкус – это дело вкуса. – Он рассмеялся над собственной шуткой – еще одна черта, которая так нравилась в нем Бринду. – Вот я и решил обновить тут все. Тебе бы обновление не помешало.

Ким шагнул к Бринду, и они на мгновение застыли в объятии, а в выражениях их лиц появилось что-то примитивное. Бринд глубоко дышал, выжидая момента, знака, который подаст Ким, потом их лица сблизилась, рты нашли друг друга, сцепились в мягкой агрессии, и время исчезло.

Наконец Бринд со вздохом отпрянул.

– Терпеть не могу, когда ты вот так врываешься и разрушаешь мои вечера. – Пальцы Кима пробежали по плечу Бринда, задержавшись на бугре трицепса. – Терпеть не могу и обожаю. Надолго останешься?

– На одну ночь, уйду очень рано утром. Завтра я опять покидаю город.

– Знать ничего не хочу. – Ким приложил палец к губам Бринда, тот закрыл глаза и лизнул его.

Бринд распахнул на Киме халат и протянул руки, чтобы ощутить тепло его тела, – скорее по привычке, чем намеренно. Очень медленно он провел ладонями по торсу любовника вниз.

Ким вздрогнул:

– Астрид, лед, а не руки.

Бринд улыбнулся:

– Прости. – И продолжал гладить, пока Ким не стал готов, а тогда поцеловал его в живот. – У меня есть и кое-что тепленькое.

Бринд встал на колени и припал к Киму ртом.

Бринд всегда особенно любил путь по лестнице вверх, так как он продлевал предвкушение и обострял желание. Эти редкие моменты, когда он мог забыть о тяготах своего сложного и опасного существования, служили ему утешением. Вот и еще одна особая ночь из тех, которые он проводил только с Кимом, была впереди.

Солдат, герой многих сражений, он никогда не подвергался опасности большей, чем в такие моменты.

Глава восьмая

Бринд встал вместе с солнцем, точнее, с тем, что проглядывало сквозь плотную пелену облаков. Когда часы на башне пробили пять, он уже сидел, погружившись в изучение карт Бореальского архипелага, выбросив из головы всякое воспоминание о Киме.

Затем, оставив свою квартиру, он встретился с канцлером Уртикой, и они вместе позавтракали в одном из обеденных залов Балмакары. Кроме них, там никого не было, но огонь в камине уже зажгли, и в помещении было тепло. Со стен свисали полотнища имперских штандартов, все в разной стадии разложения. Иным из них было больше тысячи лет – тронутые тлением символы потускневшей славы.

– Пожалуйста, командующий, – после второй ложки начал разговор канцлер, – расскажите мне подробнее о том, что случилось у Далука.

По крайней мере, ему хотя бы не все равно. Бринд подробно пересказал то, что случилось, и показал стрелу. Он сделал акцент на том, что не столько важно узнать, кто именно на него напал, сколько понять, почему о его экспедиции вообще стало известно.

– Вы подозреваете, что среди нас есть шпион? – прямо спросил Уртика.

– Я сказал бы, это не исключено, канцлер. В Балмакаре есть люди, чья лояльность – вопрос сложный. Советники располагают внешними связями, о которых император Джохинн мог и не знать. У людей бывают друзья в отдаленных местах. Если связи такого рода считать шпионажем, то не я первый их так назвал.

– Из вас еще может получиться неплохой политик, мой друг.

Вместо ответа, Бринд отправил себе в рот еще ложку еды.

Уртика снова взял стрелу в руки:

– Думаете, Варлтунг?

– Возможно, если судить по рунам на древке, а также по тому, как выкованы наконечники. Явно не имперская работа. Думаю, вам стоит показать ее кому-нибудь из экспертов в арсенале.

– Так я и сделаю. – Уртика перевел взгляд со стрелы на Бринда, потом обратно. – Конечно, если за этой атакой стоит Варлтунг, то, когда мороз возьмет нас за горло, придется нам готовиться кое к чему посерьезнее.

– Думаете?

– Желание Варлтунга захватить наши территории может быть опасно, – сказал Уртика.

– Вы имеете в виду ближние острова?

– Да, мы должны быть готовы к их защите. Мы всегда держали немногочисленные гарнизоны на островах крайнего севера и востока, ведь оттуда нам редко кто угрожал. Но, подозреваю, настало время готовиться к контрудару. Погибли лучшие наши люди, командующий. Нельзя оставлять такое безнаказанным.

– Вряд ли кампания против Варлтунга необходима – и вряд ли она к чему-нибудь приведет. Мы ведь уже пытались несколько лет назад. Точнее, десятилетий. И потом, как же Оледенение? Вы хотите послать на войну столько людей, когда целая толпа беженцев спит и видит, как бы ворваться в город?

– Именно так, – подтвердил Уртика. – Мы должны ударить быстро и сильно, нанеся противнику ущерб, чтобы обезопасить себя от попыток ответного удара в обозримом будущем.

– Разве наступление Оледенения не лишает все это смысла?

– Вовсе нет. Именно из-за Оледенения и из-за предстоящих нам долгих лет в изоляции мы обязаны сохранить эти острова для будущих поколений.

- А вы уверены, что кто-нибудь из нас доживет до будущего?
- Нас ждут тяжелые времена, командующий, и, конечно, не все смогут их пережить.

Нам даже неизвестна потенциальная толщина ледяного покрова. Но возможно, кто-то все-таки будет жить в то время, когда лед растает, и, сохранив для них острова, мы обеспечим им лучшие шансы.

Канцлер Уртика дал им с собой немало предметов роскоши и значительную сумму денег – десять джамуров, правда мелкой монетой: сота, лордилами, дракарами. Бринд против воли почувствовал некоторое подозрение, но принял эти дары с благосклонностью.

Может, он просто хочет облегчить мне боль от потери товарищей.

Холодным серым утром они выступали в путь.

Две птеродетты кружили в небе, пронзительными криками нарушая тишину города. Позади оставались колокола, зовущие к молитве, и запах еды, доносящийся из всевозможных закусовых.

У ворот Балмакары его ждали четверо воинов, которых он отобрал для этой поездки. Их безукоризненно вычищенные лошади ждали так же терпеливо, как они. Глядя в небо, сидел верхом на черном мерине Апий, а рядом с ним сверкал экипаж, в котором поедет назад императрица. Еще трое ночных гвардейцев, из тех, что не были с ними при мысе Далук, тихонько переговаривались немного поодаль: молодые, подтянутые, лучше для такой экспедиции не найти. Два блондина, Сен и Люпус, двадцати шести и двадцати двух лет соответственно. Оба высокие, поджарые, похожие словно братья. Оба с пронзительно-синими глазами. Немного смахивают на волков. Оба сделали в армии молниеносную карьеру, все благодаря собственным талантам, и уважали Бринда превыше всех прочих командиров. Самому Бринду был особенно симпатичен Сен, такого способного мечника ему, пожалуй, еще никогда не доводилось тренировать. Сен постоянно совершенствовал свои навыки, так что через год-другой сам Бринд поставил бы на него любую сумму денег как на лучшего бойца в империи.

Нелум Валор, брюнет крепкого сложения, был чуть старше. Ему прочили блестящую академическую карьеру, но прозябанию в душных библиотечных залах он предпочел жизнь на свежем воздухе. По его словам, все, что можно узнать из книг, с тем же успехом можно узнать из самой жизни. Бринд восхищался этим и сделал Валора одним из самых молодых лейтенантов, служивших когда-либо в Ночной Гвардии. А еще тот редко говорил о своих джорсалирских верованиях, и Бринд не знал, что думать о его преданности богам, которых нельзя увидеть.

Эти четверо были лучшими в его полку. В полной форме, черное на черном, с семиконечными звездами, сверкающими на груди, они вытянулись по стойке смирно, приложив к животу ладонь.

– Селе Джамура, – приветствовал их Бринд. – Все готовы ехать?

– Так точно, сэр, – ответил за всех Сен. – Оружие закреплено под днищем экипажа, рацион внутри. Люпус договорился, чтобы за ночь карету как следует почистили, так что теперь она годится для кого угодно. – Последняя фраза повисла в воздухе, явно вызывая к ответу.

Бринд заглянул под экипаж и убедился, что четыре саблевала и четыре копия действительно надежно прикреплены к раме между колесами. Были там и топоры с короткими рукоятками, причем все это вооружение, составлявшее солидное дополнение к мечам и лукам, бывшим при каждом воине, оставалось невидимым с дороги. Люпус, чьи молодые глаза отличались завидной остротой, был очень искусным стрелком, в то время как Апий и Нелум вкладывали зрелую силу в работу топорами, хотя при надобности могли взяться и за меч.

– Хорошо. Я попросил, чтобы с нами послали гаруду, – пусть полетает над нами, разведает местность впереди и вокруг, чтобы нас снова не застали врасплох. Вам я заранее скажу, что сразу после нашего отъезда Совет объявит о внезапной кончине императора Джохинна и о том, что ему наследует старшая дочь, императрица Рика. Виллджамур будет находиться в состоянии официального траура до нашего возвращения.

– С новой императрицей, как я понимаю? – Нелум хлопнул ладонью по стенке кареты.

Бринд кивнул:

– Да, мы забираем ее с Южных Фьордов. Она знает, что мы приедем за ней, но не знает, что ее отца больше нет.

– Кто должен объявить ей эту новость? – спросил Сен.

– Похоже, что эта честь принадлежит мне, – мрачно отвечал Бринд.

– Я слышал, она его все равно не любила, – заметил Нелум.

– А пока... – Бринд оглядел своих людей всех по очереди, – никакого флирта, никаких улыбочек и никаких разговоров с ней без моего приказа. Помните одно: она – наша новая императрица. Служить ей верой и правдой – вот наше дело. Мы – ее Гвардия.

Они кивнули в знак того, что поняли.

– Едем только мы пятеро? – уточнил Нелум.

– Незачем привлекать внимание к нашему отъезду. Слишком многие смекнут, что здесь не все чисто. Дорога на Южные Фьорды безопасна, так что больше людей нам не нужно. Ночных гвардейцев и так осталось мало. По возвращении мне придется рекрутировать новых.

Они недолгим молчанием почтили память погибших товарищей.

– Ладно, – продолжал Бринд, – в Гише нас ждет корабль, туда мы и поедем сначала. Дорога займет почти два дня, так что в путь.

И все сели на лошадей.

– Что-то ты сегодня больно тихий, – обратился Бринд к Апию.

Рыжеволосый капитан держался рукой за живот:

– Ага. Похоже, пиво уже не держится во мне, как прежде.

В центре Атриума лицом к Совету стоял Уртика. Театрально отбросив полы серого плаща, он с делано-серьезным выражением оглядел собравшихся. Когда хочешь развязать войну, надо быть особенно убедительным и использовать весь свой шарм. Остальные члены Совета реагировали угрюмо.

– Уважаемые коллеги, – начал канцлер, – не далее как сегодня утром я имел частную беседу с командующим Бриндом Латреей. Он поделился со мной своими подозрениями о том, что засаду на его отряд устроили дикари Варлтунга.

Вынув стрелу, полученную утром от Бринда, он отдал ее ближайшему советнику, чтобы тот пустил ее по кругу.

– Эти жалкие людишки как-то проведали о запланированной нами тайной экспедиции за огненным зерном и теперь надеются, что мы падем еще до того, как морозы ударят по настоящему.

По залу прокатился ропот.

– А вы уверены, что это из Варлтунга? – спросил кто-то.

– Конечно, сначала надо отнести стрелу в оружейные мастерские, пусть там посмотрят, но мы почти уверены, что это Варлтунг. Варвары явно знали о наших планах и уничтожили часть нашего лучшего полка.

– Но ведь они всего лишь варвары, – запротестовал советник Мевун. – Как они могли это сделать?

Уртика повысил голос, прибегнув к своей любимой, хорошо отрепетированной уловке. Ему всегда хотелось вдохнуть в эти сборища больше жизни.

— Настоятельно рекомендую отреагировать на это вопиющее нахальство немедленно. Нам следует послать на остров военно-морскую экспедицию, захватить его целиком, обезвредить жителей и завладеть ресурсами. Кто знает, на что они могут оказаться способными потом, когда закроются ворота нашего города?

— Разве не новая императрица должна принимать такое решение?

Уртика не видел, кто это сказал.

Тишина несколько мгновений.

— По прибытии ее ожидает множество других забот, к тому же не думаю, что она уже способна проводить военную кампанию.

— Вряд ли нам следует идти на войну, не имея более веских доказательств. Разве можно нападать на кого-то, опираясь на одни догадки? — Это сказала советница Йиак, коренная женщина, которую Уртика всегда недолго любил.

— Доказательства у нас есть, — возразил Уртика. — Просто вам, как я вижу, нужен предлог, чтобы решиться. Речь идет о защите рубежей нашей империи, о том, чтобы уберечь ее от преступлений, подобных тому, которое было совершено против нее на мысе Далук. Полагаю, уже сегодня вечером нам следует созвать новое собрание и обсудить эту проблему еще раз, сразу после колокола на вечернюю молитву.

Уртика был в восторге, дело пошло хорошо.

За ним поднялся советник Болл, такой худой и мелкий, что его едва было видно. Держался он нервно, говорил неуверенно:

— Гм... я хочу сделать короткое заявление о том, что мы получили запрос инквизиции касательно убийства нашего покойного коллеги Деламонда Рубуса Гхуда. Служащие инквизиции хотят прийти в Атриум, чтобы провести здесь расследование по этому делу.

— Вот как, — сказал Уртика. — Я посоветовал бы им не приходить во время заседания, а поговорить с нами по одному в наших личных покоях.

Все с ним согласились: Гхуда был популярен, его многим будет не хватать, и вообще, чем скорее удастся расследовать и закрыть это дело, тем лучше для всех. Никто не хотел этого сильнее, чем Уртика. Он и покойный советник разделяли идею о том, что город следует очистить от беженцев, этого источника заразы и недовольства властями. Уртика готов был пожертвовать чем угодно, лишь бы найти того, кто так не вовремя лишил его столь ценного союзника.

В нескольких часах пути от Виллджамура, по дороге в Гиш, Бринд заметил лошадь в необычном убранстве, кто-то ехал верхом впереди по просеке в березовой роще. Проезжую дорогу они покинули уже давно, избрав вместо нее небольшой тракт, идущий вдоль берега. Это позволило им не заезжать в деревни Еелу, Фуе и Гоуле. Бринд решил, что чем меньше людей догадается об их маршруте, тем лучше.

Он сразу понял, что лошадь имеет отношение к одному из знаменитых объединений лошадиников, только не знал, к какому именно. Он всегда находил их сборища необыкновенно привлекательным зрелищем, вот и теперь сделал своим людям знак помедлить: ему было любопытно взглянуть, кто ездит сегодня.

— В чем дело? — спросил Апий, проследив за его взглядом, направленным к деревьям.

— Да так, лошадики впереди, — ответил Бринд. — Просто хочу взглянуть. Давайте постоим здесь четверть часа.

В просвет между лиственницами виднелась открытая тундра, где уже собирались две группы лошадиников. Основными наездниками были мужчины, девушки выступали только как любительницы, а их кони были убраны в цвета той группы, которой они оказывали

предпочтение. Многие были в коже, даже с кинжалами, юнцы вырядились, демонстрируя тем самым свою мужественность, ведь больше-то ее показать было негде. Группы молодых людей собирались на открытых пространствах тундры, чтобы погонять на лошадях да и просто выпить подальше от родительского надзора и от глаз городской стражи, а по ночам лечь, кому с кем вздумается. Во время скачек деньги переходили из рук в руки: зрители делали ставки, и лошадям привязывали к ногам и хвостам тряпки разного цвета – это был код, которого Бринд не понимал. С уздечек свисали разные племенные жетоны – попытка идентифицировать лошадь, подобно тому как это делалось в имперской армии.

За спиной соперничающих группировок лежала под морозящим дождем плоская темная равнина, с юга, от моря, тянуло запахами леса и соли. Пусть недолго, но они будут здесь счастливы, позабыв о грядущих бедах и переменах. Тем временем двое юношей уже поставили своих скакунов у черты, выждали мгновение и понеслись за горизонт, подбадриваемые ожесточенными криками остальных.

При виде такого беззаботного энтузиазма Бринд почувствовал, что стареет. Когда-то и у него были юношеские мечты, которые со временем уходили все дальше и дальше. Быть может, ему стоит остаться вне стен Виллджамура, когда закроются ворота...

Вдруг рядом с ним опустился гаруда. Бринд и глазом не моргнул. Он всего несколько секунд заметил, как тот кружит в небе.

Светлолицый гаруда, чья кожа казалась особенно бледной по контрасту с золотистым оперением, стоял, заложив крылья за спину. Почти шести футов ростом, он был в черных штанах и с голым торсом, на котором под пушистыми грудными перьями бугрились могучие мышцы. На поясе гаруды, на ремне, висели два зачехленных кинжала. Удивительные существа эти гаруды. В настоящее время они обитали в колонии Фугул на скалистых утесах острова Куллрун, который специально ради них объявили запретной военной зоной. Там они жили в пещерах, всего около тысячи особей. Уже много веков без них не обходилась ни одна армия империи. Хотя друг с другом они всегда общались пронзительными птичьими криками, с людьми и румелями они говорили на языке жестов. С каких пор и откуда это повелось, никто уже не помнил, но без языка ведение совместных военных кампаний было невозможно.

– Селе Джамура, крылатый командир, – сказал Бринд.

Птицечеловек, крылатый командир Виш, вскинул руки, чтобы спросить: «Почему вы остановились?»

– Просто стоим, чтобы дать отдых лошадям. А вы заметили что-нибудь на пути сюда?

«Еще беженцы идут по Санктуари-роуд. Вокруг города их, должно быть, уже не меньше тысячи».

– Так много. – Бринд покачал головой. – А что вы будете делать во время Оледенения?

Крылатый командир взглянул на него без всякого выражения, вздохнул и спросил: «Что вы имеете в виду?»

– Я имею в виду, когда льда станет столько, что люди уже не смогут выйти из города. А это будет скоро. Останетесь в Виллджамуре? Что вы будете там делать?

«Если ворота будут закрыты, это еще не значит, что я не смогу летать. Буду, как и сейчас, военным, буду служить империи. У вас сегодня философское настроение, командир».

– Полагаю, со смертью императора многое в городе изменится. Может, мне и самому стоит подумать о переменах.

«Наверное, вы просто никогда не чувствовали себя на своем месте в Виллджамуре. Мне всегда казалось, что вы слишком переживаете из-за цвета вашей кожи».

Бринд отвел взгляд, словно желая, чтобы гаруда замолчал.

– Ну, если так, то я выбрал не ту карьеру. – Он и понятия не имел, что гаруды так восприимчивы. – Старею, – хохотнул Бринд. – Вот и стал слишком часто задумываться о будущем.

«Значит, вы такой же, как все люди».

– Ладно. Давайте-ка перекусим.

Канцлер Уртика шагал по оружейной мастерской, как по собственным покоем, хотя поначалу резкий перепад температуры едва не сбил его с ног. У верстаков трудились голые по пояс люди, их торсы блестели от пота. Когда рабочие поднимали голову, чтобы взглянуть на проходящего, белки их глаз странно выделялись на фоне черных от копоти лиц. В глубине мастерской пылал огромный горн, распространяя вокруг одуряющий запах. Отовсюду доносился звон молотков, бьющих по железу с целью придать ему форму.

– Чем могу помочь, канцлер? – спросил невысокий коренастый человек, светловолосый, в черной тунике с короткими рукавами и в черных штанах. Его блестящие от пота руки были гладкими, как у младенца, поскольку постоянная близость к открытому огню уничтожила на них все волосы. Это был начальник обороны Виллджамура – в прошлом и сам солдат, до сих пор надзирающий за выполнением военных заказов.

– Вас-то я и ищу, мой дорогой Фентук, – отвечал Уртика, одаряя улыбками остальных рабочих, которые угрюмо смотрели на него в ответ. – Пожалуйста, давайте выйдем, чтобы нас не услышали.

– Видать, что-то важное, – кивнул Фентук.

Уртика вывел начальника обороны из здания и повел его на ближайший мост, откуда открывался вид на крыши Виллджамура.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.